

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

ШАНС

Алексей Пехов

Шанс (сборник)

«Автор»

«Автор»

«Автор»

2009

Пехов А. Ю.

Шанс (сборник) / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор», «Автор»,
2009

Что бывает, когда в горах видишь белого тигра, а охотник за головами выходит за порог в самую длинную ночь в году? Почему танцуют скелеты на кладбищах и чем грозит гнев духов во время праздника? Стоит ли любовь жизни русалки? Надо ли общаться с незваным гостем из другого мира, поселившимся в твоей квартире? Почему горит синее пламя и как не упустить свой шанс? Ищите ответы на эти вопросы в сборнике рассказов «Шанс», где авторы знакомят читателей с новыми историями полюбившимся вселенным Киндрэт и Мантикоры, а также приоткрывают дверь в совершенно иные миры.

© Пехов А. Ю., 2009

© Автор, 2009

© Автор, 2009

© Автор, 2009

Содержание

Елена Бычкова, Наталья Турчанинова	5
Алексей Пехов	20
Елена Бычкова, Наталья Турчанинова	44
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алексей Пехов, Елена Бычкова, Наталья Турчанинова Шанс (сборник)

Елена Бычкова, Наталья Турчанинова Снежный тигр

Мягкие хлопья снега, медленно кружась в свете уличных фонарей, падали на мостовую. Белые хлопья, похожие на бесшумных ночных бабочек... Этот снег всегда был желанным дополнением городского пейзажа и моего романтического настроения – время снежных садов и тихих вечеров...

Но сейчас все не так. Нет ажурных снежинок, танцующих вокруг фонаря. Ничего нет. Даже неба не видно в этой безумной метели. Снег и ветер словно сошли с ума, соревнуясь в одном-единственном стремлении – свалить меня с ног, оглушить, ослепить, похоронить в белых сугробах...

Я продолжал идти вслепую.

Меня поддерживало только инстинктивное желание – удержаться на ногах. Если я упаду, то уже не смогу подняться... Я смертельно замерз, невыносимо устал, но бурану, сбросившему в пропасть мою палатку, нужно было завершить начатую работу, и он играл мной уже несколько часов. Сначала лишь несильно подталкивал в спину, бросая пригоршни колючего снега в лицо. Потом заметался поземкой по бескрайним сугробам, взывал сильнее, сбивая с ног... А дальше и эта игра надоела. Снег повалил сплошной стеной, и в глухой темноте я окончательно потерял дорогу.

Рано или поздно у меня не хватит сил сделать еще один шаг. Снова шевельнулась предательская мысль о сладком покое и мягкости этих сугробов. Нужно только закрыть глаза и позволить ветру бережно уложить себя в снежную постель.

Ноги словно налились свинцом, перчатки исчезли вместе с палаткой, и я уже давно не чувствую рук...

Снежные бабочки вокруг уличных фонарей...

Великое облегчение, почти блаженство снизошло на меня, когда я понял наконец, что нет смысла бороться дальше, и сил тоже нет. Колени подкосились, и я медленно упал в глубокий снег, как в пуховую перину.

Где-то далеко гудел ветер, а перед моими глазами кружились ночные бабочки. И пыльца с их крыльев засыпала мое уставшее, замерзающее тело...

Я проснулся, мгновенно осознавая, где я и что со мной. Низкое угрожающее рычание все еще клекотало в горле, а тело напряглось в прыжке, выбросившем меня из мира снов. И тут же рычание смолкло само собой, а шерсть, поднявшаяся было на загривке, опустилась. Солнечный луч, скользящий по полу пещеры, подобрался к лапам и лежал на земле голубоватой тонкой полосой. Было тихо, только едва слышно шуршала сухая трава подстилки.

Сон... Сон, который стал сниться мне слишком часто в последнее время. Напрягая и расслабляя все мышцы, я лениво потянулся, а потом неторопливо направился к выходу.

За ночь вход снова замело, но сугроб с легкостью подался под лапами, и в глаза тут же ударил целый сноп лучей. Трудно было удержаться от восторженного фыркания. Я затряс головой, сметая пушистый снег с ушей, и выпрыгнул навстречу утру.

Отсюда, с узкого карниза, открывался головокружительный вид на заснеженный мир. Острые зубцы скал врезались в ослепительно-голубое небо. Горы, белая долина и небо – это был мой мир и мой дом.

Осторожно ступая по узкой каменной тропинке, я стал спускаться. Ночью прошел буран, и отпечатки моих лап четко выделялись на свежем снегу. Прыгая с камня на камень, я, как обычно, путал следы, хотя особой необходимости в этом не было – привычка.

Стало заметно теплее, и я замер на секунду, поймав в воздухе дорожку запахов. Пахло карибу. Олени паслись совсем близко, вырывая из-под снега прошлогоднюю траву. Я задумчиво облизнулся, но тут ветер переменился, и новый запах опять неприятно удивил меня. Он ощущался уже несколько дней и то странно волновал, то приводил меня в ярость. Чуть горьковатый, резкий запах дыма.

Свернув с привычной тропинки, я направился в его сторону и тут же по самый живот провалился в сугроб. Пришлось прыгать – зрелище, не придающее мне величия. Прыжок – приземление с высоко поднятой головой и снова прыжок. Я порядком устал, пока выбрался на твердую землю, а белая равнина позади оказалась взрытой, словно по ней проскакал десяток карибу.

Дым по-прежнему вел меня, и скоро я увидел маленькую, скрытую скалой площадку. На ней, так же как вчера, сутилась человеческая фигурка. Рядом пушистые клубки на снегу – собаки и еще что-то темное и неподвижное, названия чего я не знал. А в центре лагеря источник дыма – огонь. Значит, еще не ушли и буран не испугал их.

Прижимаясь животом и стараясь держаться подветренной стороны, я подобрался ближе. Явственней пахло собаками, мокрой кожей, дымом и еще чем-то таким, от чего я почувствовал необъяснимое волнение и тревогу. Самое лучшее, что сейчас можно сделать, – уйти. Но любопытство пересилило страх. Я подкрался еще ближе, зная, что моя белая шерсть отлично сливается со снегом. Теперь площадка была совсем рядом.

Собаки, не чувствуя меня, грызлись из-за места у костра. Человек в странной одежде (едва не подумал – шкуре!) из меха сосредоточенно разбивал куски дерева. Я подполз еще и увидел на снегу ужасный, отлично знакомый предмет – ружье. Издавая отвратительный запах металла, оно стояло, прислоненное к сложенным в горку деревяшкам. Я едва сдержал подкатывающее к горлу рычание, вспомнив острую боль и оглушительный гром. Вспомнил, как позорно удирал, перепуганный до смерти, оставляя на земле пятна крови. Как болела передняя лапа и как долго она заживала.

Человек вдруг выпрямился, навстречу ему из палатки вышел второй. Он что-то сказал, и я наострил уши.

– Доброе утро, Стив.

– Доброе. Вы еще не передумали идти в горы сегодня? Могут быть лавины.

– Нет, – беспечно отозвался второй, присаживаясь у костра. – Все же хочу попробовать.

– Не понимаю я вас, Полл. Что вам в этих горах? Вы же не охотник. – Человек, названный Стивом, подвесил над огнем котелок, наполненный снегом.

– А вы все еще не оставили надежду поймать тигра? – спросил Полл с улыбкой.

– А вы все еще считаете это выдумкой? Я видел его собственными глазами, вот как вас – огромный зверь чисто-белого цвета.

– С голубыми глазами? – рассмеялся Полл.

Стив с досадой пожал плечами и стал возиться с рюкзаком.

– Вот вы не верите, а сами слушали рассказы о том, как он обходит капканы и достает приманку. И ни разу не попался на отравленное мясо.

Теперь пожал плечами Полл:

– Это скорее местная легенда. Не спорю, очень красивая – о хозяине гор. В джунглях он был бы леопардом, в море – драконом. Здесь же – тигр, тем более белый.

- Ничего. Поверите, когда я принесу его шкуру.
- Надеюсь, не принесете, – пробормотал Полл так тихо, что слышал его только я.
- Кофе готов. Можно завтракать.

Пока они ели, я быстро проверил одно свое потайное местечко, где зарыл недавно кое-что. И как оказалось, до моих запасов еще никто не добрался.

Когда я вернулся, лагерь был пуст. Ни собак, ни людей. Что может быть лучше! Осторожно пригнувшись к незнакомым и странно знакомым запахам, я ступил на утоптаный снег. Первым делом – рюкзак. Я уже давно испытывал к нему симпатию, уж очень соблазнительно от него пахло. Он был убран на каменный уступ, довольно высоко. Но, подпрыгнув пару раз, я подцепил его лапой и стащил вниз. Порвав веревки, засунул туда голову и ухватил первое попавшееся – большой кусок чего-то остро и приятно пахнущего, белого цвета, с дырочками, словно прогрызенными мышами. Вкус мне понравился. И в поисках чего-нибудь подобного я опрокинул рюкзак набок. Белого и дырчатого больше не оказалось, но зато нашлись какие-то черные зерна – с сильным и горьким запахом и что-то мелкое, похожее на снежную крупу, очень сладкое. Зерна я равнодушно просыпал, а крупу лизнул несколько раз. Еще было много твердых холодных предметов, пахнущих железом, кусок сухого мяса и чрезвычайно интересная прозрачная штука, сужающаяся к одному концу. В ней булькала и переливалась янтарная жидкость.

Я покатал это лапой, соображая, как добраться до жидкости, потом взял штуку в зубы и отнес к камням. Хорошенько примерившись, стукнул узким концом, тот обломился, и жидкость потекла в снег. Она пахла странно, вызывая отвращение и желание попробовать одновременно. Я лизнул ее раз, другой...

Жидкость обжигала язык и приятным теплом разливалась в животе. Войдя во вкус, я вылизал все без остатка и почувствовал себя несколько необычно. В голове стоял легкий туман, земля слегка покачивалась под лапами, и внутри играло очень приятное чувство, похожее на легкую щекотку. От него хотелось скакать по снегу, словно глупому котенку, и хватать себя за хвост. В игривом настроении я до конца распотрошил рюкзак и заглянул внутрь темного предмета выше меня ростом. Это оказалась сложенная из шкур пещера – здесь не было ничего интересного, только несколько длинных кусков человеческой одежды. Выбравшись из нее, я закончил начатое – стащил котелок и зарыл его неподалеку от лагеря, порвал собачью упряжь, от души повалился в снег, на который пролилась «веселая» жидкость. А потом, подумав, вытащил из палатки все «шкуры» и оттащил их на другой конец площадки. Сотворив все это, я осмотрел разоренный лагерь и гордо удалился, довольный собой.

Стив был прав – рисковать не имело смысла. Но мне не терпелось опробовать новое снаряжение. Поэтому я начал с довольно легкого уступа неподалеку от стоянки. Впрочем, тот оказался простым только на первый взгляд. Я изрядно запыхался, пока влез на него, и присел перевести дыхание на естественный каменный порожек, защищенный от ветра скалой.

Кругом лежал снег. Пожалуй, ничто не было сейчас созвучно моей душе так, как это безграничное заснеженное пространство, искрящееся под ярким весенним солнцем. Прекрасный белый мир, где нет места человеку.

Я достал из нагрудного кармана блокнот и попытался в карандашном наброске передать странную красоту этого места. Изломы неприступных скал, белеющие вечными ледниками, черные ущелья... Я так увлекся рисованием, что не сразу почувствовал на себе внимательный, напряженно изучающий взгляд. Осторожно, не делая резких движений, оглянулся. Но никого не увидел.

Так было уже несколько раз – явственное ощущение чужого присутствия, острого взгляда в затылок. И никого за спиной. Невольно вспомнились красочные рассказы Стива о местных

привидениях и белом тигре. Иногда я верил в него. Иногда нет. И заранее сочувствовал зверю, который непременно будет убит из-за красивой шкуры...

Да что же это? Определенно, кто-то за мной наблюдает. Я снова пробежал взглядом по снегу и черным полоскам оголенного камня. Опять ничего, но, уже отворачиваясь, краем глаза заметил легкое движение, как будто бы один из камешков... Чувствуя, как мгновенно пересохло в горле и гулко стукнуло сердце, я обернулся.

Он лежал всего в нескольких метрах от меня, полностью сливаясь со снегом и камнями белоснежной шкурой с черными полосами. Огромный белый тигр. Ни за что мне бы не заметить его, если бы он не выдал себя, чуть дернув ухом с черной полоской. Белый тигр... С голубыми, ярко-голубыми, как незабудки, глазами. Едва дыша, я смотрел на него и не мог оторвать взгляда от этих удивительных глаз, в которых светилося нечто большее, чем звериная мудрость.

Значит, ты все-таки существуешь.

Тигр вдруг прижался к земле, весь подобрался, словно готовясь к прыжку, и глухо заворчал. Я не шевелился, зная, что он может броситься, но не отвел взгляда. Тогда он поднялся, медленно отступил на несколько шагов, поставил передние лапы на камень, чуть выдающийся из скалы, и снова замер, теперь видимый весь.

Огромный зверь. Хозяин заснеженного мира.

Несколько мгновений тигр стоял, словно в нерешительности, рассматривая вершины гор и одновременно искоса наблюдая за мной. А затем отвернулся и пошел вверх по каменной осыпи. Некоторое время я видел темные полосы на его шкуре, потом белая шерсть слилась с сугробами, и он словно растаял в холоде и неподвижности гор. Только тогда я поднял блокнот, упавший с колен.

Странное ощущение. Я слышал, как скрипит наст под ногами, видел ледяные отблески далеких вершин, темные пятна деревьев в долине и чувствовал пустоту в душе. Запоздалый страх?

Впервые в жизни я почувствовал себя слабым. Абсолютно беспомощным, зависимым от воли дикого зверя, который может убить одним ударом когтистой лапы. А он лежал и смотрел на меня с выражением властного спокойствия, может быть даже высокомерия, в голубых глазах.

После этой неожиданной встречи я почти поверил в мистическую природу прекрасного зверя. Только тени или призраки умеют столь бесшумно появляться и таинственно исчезать. Надо рассказать Стиву о нечеловеческой мудрости голубого взгляда, о серебристом сиянии пушистого меха, разрисованного стрелами темных полос... и о запахе виски, который вот уже несколько минут чудится мне в морозном воздухе.

Стив выбежал мне навстречу, в величайшем возбуждении размахивая обрывком собачьей упряжи:

– Я же говорил! Вы не верили!.. А я говорил!

– В чем дело?

Он перевел дыхание и махнул упряжью в сторону лагеря. Но я уже сам видел, что произошло. В рыхлом снегу валялись консервные банки, обрывки рюкзака и ремни упряжи. Палатка перекошена. Собаки отчаянно рвались с привязи, и в их злобном лае отчетливо слышалось испуганное повизгивание. Даже вожак упряжки – Волк, мой большой друг и редкий умница, – в состоянии, близком к истерическому, яростно рычал и скалил зубы.

– Что здесь случилось? Что с собаками?

– Тигр! Тигра они почуяли! Пришел прямо сюда! Ничего не боится, подлец! Сожрал весь сыр и вылакал виски!

Напряжение и холод последних часов как-то внезапно отпустили меня, и я рассмеялся. Стив рассвирепел:

– Вам смешно?! А вы пойдите посмотрите на его следы!

На глубоком снегу рядом с палаткой четко выделялись отпечатки огромных тигриных лап. Взглянув на них, я снова почувствовал некоторое стеснение в груди. Тигриные следы производят совсем иное впечатление, когда видишь их не в густой чаще леса, а рядом со своим домом.

– Каков мерзавец! Метра три будет, а то и больше, – довольно сказал Стив из-за моего плеча.

Азарт охотника снова победил в его душе страх перед сверхъестественным, и тигр из хозяина гор превратился в будущий трофей...

Я промолчал, а Стив между тем ходил по лагерю, подсчитывая убытки:

– Упряжь разорвал... Вот увидите, теперь так и поведется... Котелок стащил... Теперь обнаглеет, покоя от него не будет.

Я подошел к Волку и сел рядом на обрубок дерева. Пес немного успокоился. Доброжелательно махнул хвостом, когда я заговорил с ним, и ткнулся носом в мою ладонь.

– Как думаешь, Волк, зачем ему котелок?

Пес заглянул мне в лицо умными, косо посаженными глазами и умильно облизнулся, чувствуя кусок хлеба у меня в кармане...

Голубоватые тени постепенно темнели, вытягиваясь. Снег чуть порозовел, но зимняя заря догорела мгновенно, и синие сумерки поплыли над землей. Резко похолодало, и даже небо казалось застывшим, ледяным.

Я натянул капюшон и придвинулся ближе к костру. Стив покровительственно взглянул на меня и сказал:

– Градусов пятнадцать, не меньше.

В его представлении я продолжал оставаться городским жителем, а мое увлечение альпинизмом было прихотью, блажью, занятием, не стоящим времени и денег. Наверное, он испытывал даже чувство некоторого превосходства, рассказывая мне о коварстве тигров, ведь, по его мнению, я мог видеть их только на картинке.

– ...Еще ставят капканы. Только их надо к дереву цепью привязывать, а то так с капканом и уйдет. Ядом травят. Ну и с собаками... Только хитрый он. Вот идет охотник по следу... – Стив взял палочку и стал чертить на снегу путь воображаемого следопыта. – А он возьмет и зайдет сзади, сам начнет идти за охотником. Так и будет ходить. А то, бывает, заляжет где-нибудь, подпустит ближе и бросится.

– Стив, как вы думаете, зачем он приходил в лагерь?

Тот бросил палочку в костер и сделал загадочное лицо:

– Проверить. Посмотреть, как и что.

Видимо, ночной холод и темнота действовали на собеседника иначе, чем на меня. Он тоже придвинулся к костру, но его бросало в дрожь не от ледяного ветра. Мир духов, невидимый днем, ночью вдруг приблизился и слился с пустынным миром заснеженных гор. Белый тигр превратился в неуловимого призрака. И только костер своим магическим кругом охранял нас от подступившей тьмы.

Я вздрогнул, сам не заметив, как снова позволил снежной долине очаровать меня, поверить в ее волшебство и почувствовать почти то же, что и местный обитатель гор, которому простительна вера в духов и зверей-оборотней.

– Почему вы уверены, что это тот самый тигр?

– Больше никому. Следы – во! – Стив растопырил пальцы, изображая размер тигриной лапы. – Котелок я знаете где нашел? В снегу под скалой. Зарыл, подлец.

Я улыбнулся, оценив своеобразное чувство юмора тигра, и спросил, хотя уже приблизительно знал ответ:

– А не жалко вам его?

Стив откинул капюшон, чтобы удобнее было смотреть на меня, и переспросил:

– Жалко?

– Ну да. Красивый, умный, сильный зверь, а вы хотите его убить.

Собеседник посмотрел так, словно уже давно разгадал все мои хитрости и мне не сбить его с толку:

– Не поймете вы, Полл. Потому что не охотник... Ну вот вы мечтаете забраться на Драконий клык. Снаряжение заказали, все утесы вокруг облазили, присматриваетесь. Он вам и во сне, наверное, снится. Так тигр для меня то же самое, что для вас эта скала. Вы себе доказать хотите, что сможете ее одолеть, а я себе – что перехитрю полосатого разбойника.

Я пристально посмотрел на собеседника, сравнивающего мою страсть к высоте и риску с его страстью к убийству, и сказал с неожиданным для себя злорадством:

– А ведь я его видел сегодня.

– Да ну?! – Стив даже приподнялся. – Где?

– Вон на том утесе.

– Белый? – шепотом спросил он, вытаращив на меня глаза, словно я сам превратился в белоснежного призрака.

– Белый.

– Ах ты черт! – Он запустил пальцы в свою густую шевелюру. – Стрихнину бы... Ну да ладно, я его с лабаза возьму.

Я мог бы сказать, что тигр лежал в каком-то метре от меня и в его глазах не было ничего, кроме искреннего любопытства. И что кровожадный, мстительный и коварный зверь, каким его описывал Стив, не отпустил бы меня с того утеса. Но лишь поднялся и молча пошел в палатку, провожаемый недоумевающим взглядом проводника, который так и не понял, что на меня нашло.

Бабочки... Мне снова снились ледяные бабочки, холод и снег. И я снова умирал, проваливаясь в белую пустоту...

Я смотрел прямо в глаза этому человеку. Долго-долго, так долго, что онемели лапы. Не имея сил пошевелиться, мог только смотреть. В его зрачках не было испуга, и от него не пахло страхом, этим раздражающе острым запахом, который вызывал у меня одно желание – прыгнуть и схватить.

Он был спокоен и неподвижен, только глаза его, отражая свет синих гор, смотрели в мои... И мне вдруг стало страшно. Так страшно, что я прижал уши и, скользя животом по снегу, пополз вверх по тропинке. А он продолжал сидеть, чуть подавшись вперед...

Я сам не знал, чего боялся.

Может быть, его странного, пристального взгляда. На короткое мгновение мне показалось, что я сам мог быть человеком, который сидит на камне и смотрит в глаза тигру. И это было жутко.

Или меня испугал его запах, не похожий ни на один из запахов долины?..

Я проснулся, но продолжал лежать неподвижно – и мне чудилось, что я вижу со стороны, издали, замершую фигуру человека, и зверя, распластавшегося на земле. Мне казалось, что я потерял часть себя, и она ушла вместе с ним. Наверное, он знал, как вернуть ее, блуждающую в ледяной пурге по ночам, знал, как прогнать сны.

Мне нужно найти его. Человека со странными глазами, который не боится меня.

Снег шел всю ночь. Густой, мягкий, бесшумный. Я лежал в палатке и слушал, как он засыпает долину, горы, весь мир... Он сгладит следы нашей возни в лагере, выровняет глубокие полосы, оставленные полозьями саней, прикроет палатку. Я чувствовал себя лежащим под

белым, теплым одеялом. Звуки тонули в нем, стирались расстояния, и глубокий покой растекался по земле вместе с тишиной.

Один раз у меня в ногах завозился Волк, которого я привел в палатку вопреки всем правилам северной походной жизни. Он должен был спать снаружи, в норе, вырытой в снегу. Но в такую холодную ночь, когда обостряется чувство одиночества и опасности, мне особенно не хотелось оставаться одному. Стив уехал на рассвете, забрав с собой всю упряжку собак. Оставил только Волка, второй карабин и обещание вернуться завтра к вечеру. То есть уже сегодня...

Утро было немного сумрачным. В воздухе еще носились одинокие снежинки, но снегопад закончился. Я пустил Волка побегать, зарядил в фотоаппарат новую пленку и навел его на восток, туда, где голубел острый пик, окутанный тяжелыми облаками. Клык Дракона. Обледеневшая вершина, похожая на кристалл с несколькими глубокими разломами, темнеющими на холодных гранях...

Я сделал несколько снимков, когда вдруг услышал за спиной странный звук. Фыркание, отчетливое и громкое. обернулся. И обомлел. Тигр стоял совсем рядом, видимый до последней полоски, и внимательно обнюхивал занесенное кострище. Не обращая на меня внимания, он осмотрел лыжи, сунул голову в палатку и снова звучно фыркнул. Я быстро взглянул в сторону карабина – движение неосознанное, но вполне оправданное. Ружье стояло у поленницы, слишком далеко, чтобы успеть до него дотянуться. Все давно забытые первобытные страхи, в которых я обвинял Стива, шевельнулись вдруг и в моей душе. Мирная обстановка лагеря, который всегда казался надежным убежищем, превратилась в нечто, напоминающее плохую декорацию, в тонкие картонные щиты, которые зверь мог опрокинуть одним ударом лапы.

Милая бесцеремонность, с какой он уронил в снег альпеншток, поразила меня больше, чем его рычание и следы на снегу. Вчера он был серебристым призраком, мудрым и благородным хозяином гор, во владения которого я попал случайно. Сегодня – явился ко мне домой и нахально пытается отгрызть кусок ремня, натянутого на один из углов палатки. Не знаю, что бы я сделал, если бы карабин оказался рядом. Надеюсь, выстрелил бы в воздух, и только.

Тигр наконец оставил в покое палатку и обернулся ко мне.

Он узнал меня. Не знаю, почему я так решил, но его выразительная морда изобразила что-то типа вежливого интереса. Он приблизился на шаг и совершенно по-кошачьи сел в снег. Наверное, это было приглашением к беседе.

– Привет, – сказал я негромко, отметив мимоходом легкую хрипоту в своем голосе. – Ты в гости или... на охоту?

Тигр наострил уши, прислушиваясь, потом приподнялся, переступил передними лапами по снегу и снова сел. Мне показалось, он чего-то ждет и моя недогадливость ему не нравится.

– Я бы угостил тебя, но хлеб ты, наверное, не будешь, а весь сыр съел еще вчера.

Требовательное выражение в его глазах сменилось нетерпением, но я по-прежнему не понимал, чего он хочет.

– Послушай, ты не испугаешься, если я сфотографирую тебя? – Я медленно поднял фотоаппарат, привлекая к нему внимание зверя. – Вот этим. Это не ружье, тебе не будет больно.

Тигр не пошевелился, оставаясь в своей эффектной позе на фоне гор.

– Смотри сюда.

Я чуть отодвинулся, чтобы он попал в кадр целиком, навел резкость, но именно в это мгновение из-за поленницы выскочил Волк.

Человек сидел вполоборота ко мне и крутил в руках какую-то чудную штуку. Темную, чуть поблескивающую и явно несъедобную. Я подождал, пока он заметит меня, и подошел ближе. Его глаза широко распахнулись, и в них мелькнула странная торопливая дрожь, словно

рябь по спокойной воде. Он как будто бы не испугался, но... я потянул носом воздух... он не испугался.

Надо было показать, что я сыт и пришел не охотиться, поэтому я сел в снег и посмотрел на него. Человек заговорил. Наверное, он уже догадался, зачем я пришел. Его голос звучал немного прерывисто, но приятно для слуха. Я понимал не все, хотя слушал очень внимательно. Но пока он не говорил ничего важного. Это чувствовалось по интонациям. Он опасался, что я пришел охотиться, но ведь я показал, что сыт, и потом, он должен был знать, что никто, кроме него, не поможет мне стать прежним. Человек вдруг поднял свою железную штуку. Поднес ее к лицу, и я увидел, что у него есть еще один глаз, огромный, блестящий с черной пустотой на дне. Глаз мне так не понравился, что я едва не зарычал на него, но сдержался, вспомнив – человек хочет вернуть мне прежний покой...

И вдруг, неизвестно откуда, рыча и захлебываясь от бешенства, выскочил лохматый пес. Человек вскрикнул и бросился к нему, пытаюсь удержать. А тот огрызался и осыпал меня всеми известными ему ругательствами:

– Ну ты, кошкин сын! Только попробуй подойти к хозяину!

Надо было проучить пса за нахальство, но он принадлежал человеку и готов был защищать хозяина, хотя я мог прихлопнуть его одной лапой.

– Успокойся, лохматый, и никогда не пытайся съесть то, что больше тебя.

– Я еще вчера почуял твой мерзкий кошачий запах! Убирайся отсюда!

– Слушай, лохматый, я не собираюсь трогать твоего хозяина. Я пришел не на охоту, хотя ты слишком глуп, чтобы понять это.

Он крутился на месте, пытаюсь вырваться и добраться до меня, а я смотрел на пса сверху вниз, и наслаждался его бессильной яростью.

– Ты – полосатый вор! Хозяин застрелит тебя, а из твоей шкуры сделает ковер и постелит у себя в палатке.

– Смотри, не подавись от злости. А то придется сделать ковер из твоей жалкой шкуры... если только он не боится блох.

– Хозяин, пусти! Пусти меня! Я ему покажу! – взвыл пес, щелкая зубами.

Я наморщил нос, фыркнул, выражая презрение, и пошел прочь, а он еще что-то долго кричал мне вслед. Глупый пес. Я оглянулся и посмотрел на лагерь. Человек обнимал его за шею и пытался успокоить. Ладно, я припомню тебе «полосатого вора»...

По ясности и прозрачности красок этот день был похож на акварельный рисунок. Над долиной вдруг открылось высокое, чистейшей голубизны небо. По нему неслись косматые облака – целые горы облаков, между которыми скользили солнечные лучи. Неожиданно потеплело, и в воздухе неведомо откуда появились пьянящие, нежные, почти весенние ароматы. Снег потяжелел и плотной, слипшейся массой оседал под ногами при каждом шаге. Деревья словно ожили, вдруг зашумев ветвями, прежде скованными морозом. По небу в порывах теплого резкого ветра кружили птицы.

Полчаса назад я поднялся на один из небольших холмов и теперь лежал между двух валунов, прильнув к биноклю. Несколькими десятками метров ниже, среди кустов, прилепившихся к каменному склону, прятался мой недавний знакомый.

После второй встречи в лагере я видел его еще несколько раз в самых неожиданных местах. Однажды наблюдал, как он тащил что-то через мелкий кустарник, наверное, только что пойманный обед. В другой раз, как катался по снегу, мурча и фыркая. Обьедал замерзшие ягоды голубики с обледеневших кустов, морщась и облизываясь. Он не прятался и совершенно ничего не боялся.

Удивительно, что Стив, исходив всю долину, лишь один раз нашел следы тигра, полузасыпанные снегом, я же, не охотник, человек далекий от лесной жизни, видел зверя так часто.

Иногда мне казалось, будто он специально старается выбрать место для охоты так, чтобы я мог его заметить.

Стив зеленел от зависти, когда я мельком упоминал о каждой новой встрече. Много раз я видел, как ему хочется пойти вместе со мной, чтобы увидеть наконец неуловимого хитреца. Но гордость охотника не позволяла показать свою беспомощность перед горожанином и признать мою неожиданную удачу.

Вот и теперь. Совершенно случайно, наблюдая за косулями, выкапывающими мох из-под снега, я заметил едва уловимое движение в кустах.

Тигр лежал, почти вжавшись в снег, и, сдвигаясь с места буквально на несколько сантиметров, подавался вперед. Замирал и снова полз.

Удивительная картина. Молочно-белый наст, на нем стройные длинноногие животные с настороженными, грациозными движениями и совсем рядом – невидимый для них зверь, припавший к земле. Темные полосы на его шкуре сливаются с синими тенями, ему нужен только один прыжок, чтобы схватить вон ту, самую маленькую лань с золотым пушком на чутких ушах и влажным, черным носом. Мне жаль ее... немного, но симпатии мои на стороне полосатого хищника...

И вдруг прямо над своим ухом я услышал сухой, тихий щелчок и громкий шепот:

– Тихо. Не шевелись.

Я оглянулся, мгновенно узнавая и голос, и сдержанное нетерпение, звучащее в нем. Увидел холодную сталь карабина, наведенного вниз, рукав потрепанной куртки и, наконец, спокойное, сосредоточенное лицо Стива, целящегося в тигра из-за моего плеча.

Я резко развернулся, ударяя по стволу ружья. Грохот выстрела, рычание тигра и мой крик, многократно усиленные эхом, прозвучали почти одновременно... Пуля ушла в сторону и выбила ледяные искры из скалы. Косули в испуганном порыве взмыли над разрытым снегом и унеслись прочь. Тигр, мгновенно став видимым, в несколько прыжков пересек открытое поле и растворился среди каменных глыб. Стив еще раз выстрелил ему вслед и швырнул разряженный карабин на землю.

– Дьявол! Ты что, спятил?!

Я подобрал бинокль, поднялся и стал спускаться с холма. Стив шел следом, потрясая ружьем, и кричал на всю долину:

– Зачем ты это сделал?! Знаешь, что бывает за такие штуки?! Надо было тебя пристрелить из второго ствола! И любой суд бы меня оправдал! Слышь, ты, защитник животных?! Ты зачем сюда приехал? По скалам лазить? Вот и лажь!..

Охотник еще долго перечислял обиды, которые я ему нанес, включая дружбу с Волком.

Мы спустились вниз, на едва заметную тропу между камней, упавших со скалы, когда Стив вдруг схватил меня за плечо, и тут же я услышал низкое, раскатистое рычание, которое доносилось как будто со всех сторон одновременно. В паре метров перед нами из снега материализовалась белая тень с горящими топазовыми глазами.

Тигр припал к земле, готовясь к прыжку. Уши прижаты. Все мускулы кошачьего тела напряжены. В приоткрытой пасти с длинными клыками клокочет угрожающее рычание. Мы думали, что он сбежал, испугавшись выстрелов, а хищник притаился среди камней и ждал нас, чтобы отомстить за неудачную охоту.

– Он шел за нами, – едва слышно прошептал Стив.

– И что теперь? – так же тихо спросил я.

– Карабин разряжен...

Тигр зарычал громче. Глубокий взгляд нечеловеческих глаз метнулся с меня на охотника и обратно. Я был готов поклясться, что на звериной морде появилось почти торжествующее выражение.

Я стоял перед ними.

Один, с прозрачными глазами, смотрел на меня прямо, не опуская взгляда. Другой – что уже давно ходил по моему следу с ружьем, испускающим отвратительный запах смерти – думал только о том, как бы... «зарядить карабин»? Я не понял, что это значит, но почувствовал, как он отчаянно боится меня. И мне захотелось немедленно броситься на него, хотелось причинить боль, услышать его крик. Я знал, что он не даст мне покоя, так и будет ходить по моему следу, пока однажды я не услышу этот страшный гром, который едва не оглушил меня сегодня.

Я посмотрел на человека с ясными глазами. Он никогда не хотел сделать мне больно, его защищал лохматый пес, и сейчас тот, другой, прятался за его спину. И я зарычал, потому что понял, что не смогу убить опасного с ружьем...

Еще долго я смотрел, как они спускаются вниз, и чувствовал какую-то странную тоску, беспокойство. Огромное беспокойство. Сделав несколько шагов вперед, я остановился. Мне хотелось броситься вслед за человеком, который тревожил меня, и в то же время убедить от него как можно дальше... Я снова разделился. Одна часть моей души тосковала по горькому запаху дыма и резкому – железа, другая до дрожи боялась и ненавидела их. Наверное, я беспокоился оттого, что был голоден. Но голод не проходил, даже когда я был сыт...

Я сидел в снегу возле незамерзающего озера и смотрел в небо. Луна снова потеряла свою вторую половину, совсем как я... и теперь плыла по небу с острым обломанным краем, холодная, яркая. Такая же луна выплыла из черной озерной воды. И когда я стал пить, мне показалось, что вместе с водой на язык попадают холодные лунные капли. Я закрыл глаза, чтобы не видеть луну, но продолжал чувствовать ее вкус, терпкий и чуть горьковатый, словно у недозревшей ягоды...

Сквозь сон мне слышался обычный утренний шум: скрип снега, грозные окрики Стива на собак, грызущихся из-за рыбы, потрескивание костра и далекий, ровный гул ветра. «Сегодня», – подумал я, просыпаясь окончательно, выбрался из палатки и увидел небо.

Сначала только небо. Оно было розовым наполовину. Бледная ночная мгла над головой постепенно светлела, встречаясь с нежно-розовой дымкой на востоке. Они сталкивались над долиной, но не смешивались, не переливались одна в другую, а застывали двумя неподвижными полосами – серо-жемчужной и перламутрово-розовой. Я почему-то вспомнил о фламинго. Целой стае фламинго...

Стив подошел ко мне неслышно. Мы не разговаривали весь вчерашний день, могли молчать и сегодня, меня это нисколько не беспокоило, но он вдруг как-то неловко кашлянул и спросил:

– Любуетесь?

– Да. Удивительное небо.

Молчали мы по разным причинам. Мне не о чем было говорить с ним после выстрелов из-за моего плеча. Стив пытался понять, почему тигр отпустил нас.

– Ну что? Идете сегодня?

– Иду.

Я посмотрел на гору. Ее вершина медленно светлела, и густая ночная тень также медленно скатывалась к подножию, отступая перед рассветным солнцем. Стив проследил за моим взглядом и спросил еще раз:

– Это что, на самый верх?

– Там видно будет.

Он постоял рядом еще немного и отошел.

Я видел, что Стиву не хватает наших долгих бесед и «научных» споров. Ему хотелось вернуть прежние дружеские отношения, которые расстроились, как ему казалось, из-за пустяка. А я не мог простить того, что он считает этим пустяком...

Охотник проводил меня до края долины.

А потом я не думал уже ни о тигре, ни о Стиве с его обидами. Я чувствовал, как на меня нисходит удивительное состояние глубокой внутренней сосредоточенности и радости, которая зазвенела в моей душе с первым ударом ледоруба.

Не торопясь, без лишней суеты, по крутому склону – подъем «в три такта». Воткнуть ледоруб и, держась за него, «вбить» в снег сначала одну ногу, потом другую. Вытащить стальное лезвие и снова ударить. Постепенно приходил тот самый ровный ритм, с которым сливались мое дыхание и стук сердца.

Теперь можно немного пройти. Гладкий лед, чуть прикрытый снегом, поскрипывает под «кошками». Такой знакомый, привычный звук...

Я поднялся на узкий обледеневший карниз.

Отсюда, с высоты, долина была похожа на глубокую чашу, до краев наполненную застывшим серебром. В нем замерли темные пятна деревьев, металлические отблески незамерзающего озера, волнистые холмы, отбрасывающие длинные тени. И только ветер свистел в снежном молчании холодного утра.

Можно было подниматься выше, но я вдруг заметил чуть в стороне от того места, где стоял, что-то... что-то такое, чего не должно здесь быть. Я сделал несколько шагов и наклонился, чтобы лучше рассмотреть...

В первое мгновение мне показалось, что изо льда смотрит черное лицо с пустыми белыми глазницами и белым провалом рта. Я вздрогнул, чувствуя, как гулко стукнуло сердце, и тут же рассмеялся облегченно. Маска! Всего лишь ветрозащитная маска. В одном из моих карманов лежала такая же. Кто-то потерял здесь свою маску... Кто-то, кто был здесь до меня...

Мне вдруг почудилось, что затылка коснулся порыв ледяного ветра. Я оглянулся, но увидел только снежные валы, крутой обрыв справа, ступени, вырубленные мной, и маску, вмерзшую в снег.

Я резко выпрямился, отступил назад, а потом... потом понял, что соскальзываю и не могу удержаться. Рано или поздно это могло случиться, но я не думал, что так быстро... Я сорвался.

Это было как во сне, когда останавливается сердце, воет ветер, тело становится каменным от нарастающей тяжести и никогда не долетаешь до дна...

В глубокой темноте были холод и боль, пока еще только подступающие издалека, но мне тут же захотелось обратно в глухое беспмятство. Я сорвался, как тот, кто был здесь до меня. Теперь можно не обманывать себя. Он тоже упал в какую-то из глубоких трещин, скрытых под снегом. Его сбросила с высоты буря, или лопнула веревка, или сломался карабин. И он лежал так же, как я, чувствуя свое разбитое тело и медленно холодея...

Не знаю, сколько прошло времени, но вдруг кроме холода и боли появилось еще что-то. Громкое сопение, горячее дыхание, касающееся моего лица, и настойчивое прикосновение к плечу.

Я открыл глаза.

В бледно-голубоватом рассеянном свете, льющемся, казалось, сквозь толстый слой льда, надо мной склонялось человеческое лицо. Белое в этом ледяном свете, как будто застывшее, и только ярко-голубые глаза тревожно сверкали на нем.

– Это твоя... маска? – прошептал я, и тут же все поплыло в новой волне боли, а когда мой взгляд прояснился, я увидел тигриную морду. Жаркое дыхание белыми облачками вырывалось из раскрытой пасти. Шерсть усыпана смерзшимися кристалликами снега. Тигр внимательно

обнюхал меня, потом осторожно взялся зубами за воротник куртки и потянул. Острая боль судорогой свела все тело, я крикнул, и он отпустил меня.

– Нет... не надо... слишком больно.

Он подышал мне в лицо, наверное выражая таким образом свое сочувствие, и снова схватил зубами за воротник.

Во время коротких прояснений сознания мне виделся человек, который полунес-полутаскил меня из ледяной трещины. В зыбком тумане я различал его напряженное лицо, светлые волосы, сурово сжатые губы.

– Это ты... разбился здесь?

Он молчал, и я снова видел тигра.

Когда я вынырнул из очередного беспамятства, странное оцепенение смягчило боль. Зверь тащил меня по снегу не останавливаясь. И мне казалось, что я плыву, мягко покачиваясь, по теплому сну, где смешались сумрачный свет ледяного ущелья, снег, голубоглазый тигр-оборотень... Стало теплее. Я закрыл глаза всего лишь на мгновение, как вдруг хлесткий удар разбудил меня. И снова вернулась боль.

– Не спи!.. Не засыпай! Слышишь?!

Еще одна пощечина. Я с трудом заставил себя приподнять веки и снова увидел бледное лицо с пылающими глазами.

– Оставь меня... я устал.

Погибший альпинист схватил мой воротник и встряхнул, не сильно, но так, чтобы я почувствовал, что он не оставит меня в покое.

– Не смей засыпать! Не спи! – ...Голос его доносился словно издалека. – Полл, не спи.

– Ты знаешь мое имя?

– Знаю, только не спи.

– Не могу, – прошептал я, проваливаясь в темноту...

– Полл! Полл, вы слышите меня?!

Не было холода, почти не было боли. Сквозь опущенные ресницы я видел голубую полосу неба в узкой щели натянутой парусины и Стива, встревоженного и лохматого сильнее, чем обычно.

– Стив, я...

– Вы живы. И очнулись наконец.

– Как... где вы нашли меня?

– Недалеко от лагеря. Ночью. Собаки подняли лай, я вышел, смотрю, а вы... Не представляю, как вам удалось добраться сюда.

– Я упал... сорвался, а он спас меня.

– Кто?

– Разбившийся альпинист... тигр.

Стив моргнул, потом осторожно прикоснулся к моему лбу.

– У вас несколько переломов. Сюда скоро приедут... Но вам надо в больницу.

Мне удалось приподняться, чтобы заглянуть в его лицо:

– Кто сюда приедет?

Он помолчал, а потом посмотрел на меня спокойно и холодно. Я не узнавал его взгляда. Этот человек не мог быть моим добрым приятелем. Откуда в нем столько равнодушной жестокости и холода? Этого проклятого холода...

– Кто сюда приедет, Стив?

– Охотники, собаки. Много собак и ружей. Облава.

Я медленно опустился на шкуры, глядя на него почти с ужасом.

– Нет. Вы не можете убить его. Он спас меня, вытащил из ледяной трещины. Он даже не тигр!

– Полл, вы упали. Ударились головой, долго пролежали без сознания...

– Стив, я видел его! Убивая тигра, вы убьете человека!

Он поднялся, пристально посмотрел сверху вниз. И вышел из палатки...

Все утро меня преследовал собачий лай. Сначала я не обращал на него внимания, занятый рыбой, только что выловленной в озере. Я слишком долго ждал, когда она подплывет ближе к берегу, чтобы бросить, даже не попробовав. Но резкие, отрывистые звуки приближались и начинали раздаваться все громче и назойливее. Тогда я немного прошел вдоль озера и направился вверх, к горам. Собачьи голоса продолжали перекрикивать друг друга с визгливой резкостью: «Догоняй!.. К сосне быстрее... быстрее!» С некоторых пор собачий лай доводил меня до бешенства.

Я негромко зарычал на них и побежал. Где псы, там и люди. Я помчался по снегу длинными прыжками, и бежал так быстро, что обогнал собственный запах и резкие голоса. Снова стало тихо. Запрыгнув на поваленное дерево, я прислушался. В ветвях шумел ветер, изредка слышались глухие хлопки падающих комьев снега и трескотня сорок. Большие ничего. Меня вдруг потянуло в сон, поэтому я послушал еще немного, потом спрыгнул на землю и после недолгих поисков обнаружил среди кустов хорошее место для отдыха. Пока эти блохастые, высунув языки, носятся по моим старым следам, я успею выспаться.

Смутный сон плавал вокруг, словно недавняя большая рыба из озера, мягко покачиваясь в темной глубине, когда невдалеке опять послышалось прежнее: «Догоняй!.. Догоняй!» Я почувствовал, как шерсть на загривке поднялась дыбом, и с глухим рычанием проснулся. С сожалением поднялся со своего хорошего места и, скользя вдоль кустарника, пошел параллельно собачьему лаю. Подбадривая друг друга, захлебываясь от злобы, псы приближались. Я мог бы водить их за собой до вечера. Только снег в лесу слишком глубок для меня.

Сделав большой круг, я снова побежал, и теперь собачьи крики слышались впереди. Этих обмануть было просто. Но где их хозяева? Я бесшумно крался в густом подлеске, время от времени останавливаясь и прислушиваясь...

Люди шли впереди на расстоянии одного прыжка и переговаривались негромко. Несколько человек с ружьями.

– А сколько может стоить его шкура?

– Тысячи полторы...

– Стив говорил, он хитрый, почти как человек...

– Этот будет десятым и, надеюсь, не последним...

– Ты ружье держи крепче!..

Легкая добыча. Шумят и пахнут железом на весь лес. Может быть, мне тоже поохотиться?

Позволив им уйти вперед по моим уже остывшим следам, я пошел глубже в лес, надеясь оторваться.

Глубокий снег замедлял бег собак, так же как и мой, и уставали они не меньше. Но только не Лохматый! Я узнал его голос. Он как бешеный мчался по следу, распутывая все мои «петли». Он мне надоел!

Я остановился на поляне и стал ждать...

Какое мягкое сегодня солнце! Совсем весеннее. Я переступил с лапы на лапу и кроме едкого раздражения почему-то почувствовал в себе глубокую печаль, и снова холодок поднял шерсть на загривке...

Они выскочили прямо на меня. Несколько собак, захлебывающиеся от злобного лая. Одна из них не успела остановиться. Ударом лапы с выпущенными когтями я отшвырнул ее в сто-

рону и бросился на остальных. Те рассыпались с визгом. А мне так хотелось приглушить их мерзкие голоса. Но косматые твари не подбегали ближе, уже зная длину моих когтей.

Первая собака так и лежала, снег вокруг нее стал красным. Во мне не осталось ни следа прежней печали, раздражение превратилось в глухую ярость. И вдруг из-за деревьев прогремел гром. Бок обожгло, но в своем бешенстве я не почувствовал боли, повернулся и прыгнул. Человек вскрикнул, выронил ружье, которое хрустнуло под моими лапами, и упал. Придавив его к земле, я полоснул когтями. Он снова закричал. И столько ужаса было в этом крике, таким неприятно мягким оказалось его тело, что с отвращением отскочив, я побежал прочь.

Бок болел, по шерсти текла струйка крови и падала в снег крупными каплями. За мной тянулась яркая алая дорожка из этих капель, и в воздухе пахло кровью. Я бежал все медленнее, задыхаясь от бега и боли. В голове шумело. Маленький кусочек железа делал меня хромым и беспомощным. Хотелось забраться под эти камни... лечь... и уснуть. Уснуть...

Если я остановлюсь, они догонят меня и убьют. Поэтому я заставлял себя бежать.

Горло горело, язык стал сухим и горячим. Я замирал на несколько мгновений, чтобы зализать рану, и мчался дальше. Воздух звенел собачьим лаем и человеческими криками. Когда я останавливался, под лапу натекала целая красная лужица. Я смотрел на нее с некоторым любопытством, зная, что это утекают мои силы...

Лохматый выскочил откуда-то сбоку и замер, оскалив белые зубы. Теперь мы стояли напротив друг друга. Он – спокойный, сильный, даже не запыхавшийся, и я – озлобленный, истекающий кровью.

– Вот ты и попался.

– Уйди с дороги!

Он принялся и зарычал:

– Что, больно?

– Не больнее, чем сейчас будет тебе.

Пес бросился в сторону, взыв от боли. Я успел зацепить его, но не остановился посмотреть, что с ним.

Теперь я знал, куда мне нужно бежать... к кому.

Я лежал на саях, покрытых шкурами, и ждал. Глубокая таинственная тишина прекрасной долины была взбудоражена звонким лаем, человеческими голосами и выстрелами.

Их было пятеро, не считая Стива. Шесть уверенных, отлично вооруженных людей. Я возненавидел их мгновенно, хотя, наверное, они были настоящими охотниками, знающими все правила сезона. Они не убивали косуль с детенышами и не устраивали это варварство со стрельбой из машин. Но мне, оглушенному обезболивающими таблетками, в полусне-полубреду снова и снова виделся голубоглазый оборотень, тигр с человеческой душой.

Он приходил ко мне, чтобы просить о помощи, он знал, что я один мог бы понять его. Почувствовать... А я не понял... понял слишком поздно, и теперь они убьют его.

– Бредит, похоже, – раздался где-то недалеко от саней сиплый голос. И тут же знакомые интонации гулом отозвались в моей голове:

– Да. Упал он и вроде головой повредился... Когда шкуру повезем, лучше не показывать ему и не говорить ничего.

– Чего это ты, Стив, так волнуешься?

– Жалко, переживать будет, а у него и так не все дома.

– Предупреждал тебя! Нечего сюда городского тащить!..

Они убьют его. Что ж, может быть, тогда он успокоится. Наверное, он и хотел покоя. Оставить навсегда этот снег, горы, озеро...

Я приподнялся на локтях, прислушиваясь. Голоса собак как будто стихли. Может быть, они потеряли след? Может быть, он ушел в свои горы? Спрятался? Огромная чаша долины вдруг показалась мне крошечной, словно блюдце.

Нет, здесь не спрячешься. Они найдут его... Да и не станет он прятаться.

Собачий лай зазвучал громче. Я совершенно ясно услышал звонкий, злобный голос Волка. А потом выстрел.

Гулкое эхо задрожало в горах. Затрещали сороки. Вот и все. Я опустил на сани, чувствуя нудную боль в ногах и почему-то в ладони. Я не заметил, что сжимаю кулак и пальцы впиваются в кожу.

Но собаки продолжали лаять. Вот еще один выстрел. Я снова приподнялся...

Его прекрасная белая шерсть была запачкана кровью, длинные прыжки по глубокому снегу казались сбитыми, неровными, но тигр мчался не останавливаясь. За ним растянулась цепочка бегущих собак, и неторопливо приближались люди с ружьями. Они знали, что ему не уйти от них.

Я ухватился за край саней, поднимаясь выше, и закричал. Тигр, услышав меня, резко изменил направление. Теперь он бежал ко мне.

Я видел, как один из людей медленно вскинул ружье, прицелился... Зверь споткнулся еще раз, но упал, только когда добежал до саней. Рухнул в снег и пополз ко мне из последних сил с тихим... почти стоном. Голубые глаза были затуманены болью и слезами. Окровавленная морда коснулась моей руки.

Я обнял его за шею, прижался щекой к мокрой шерсти. Сухой щелчок прозвучал совсем рядом. Подняв голову, я увидел рычащих собак, красный снег, черные дула. Охотники смотрели, как я обнимаю раненого тигра, прижимаю к груди его огромную голову и кровь течет по моим пальцам. Я встретился взглядом со Стивом. Он долго-долго смотрел в мои глаза, а потом опустил ружье. И спустя мгновение так же медленно опустили дула остальных карабинов...

Человек со светлыми глазами лежал на санях. Я понял, что он ждал меня и теперь точно решил помочь. Его руки легли на мою голову, я услышал громкий стук его сердца...

Мне больше не было больно. И хотя я знал, что засыпаю надолго – не боялся этого сна. Теперь в нем не будет снега и холода. Я усну и проснусь другим... Совсем другим...

Алексей Пехов

Лённарт из Гренграса

Конь погиб, когда холодный шар солнца начал клониться к горизонту, предупреждая о скором приближении ночи. Ноги жеребца внезапно покрыл черный налет, он остутился, упал и больше не смог подняться. Лишь, хрипя, бился в судорогах.

Лённарт из Гренграса, которого многие знали под прозвищем Изгой, отошел подальше и хладнокровно наблюдал, как умирает его надежда догнать беглеца. Сиплое дыхание животного постепенно стихло, из ноздрей уже не валил пар, а стекающая по бокам едкая пена остывала на морозе. Черные крупницы плесени тем временем добрались до шеи, и последовала краткая агония.

Другой на месте Лённарта высказал бы какое-нибудь проклятие или воззвал к богам, требуя справедливости. Но мужчина лишь зло сплюнул себе под ноги. В том, что конь пал, винить приходилось только себя. Тот, за кем он гнался последние два дня, преподнес совершенно неожиданный сюрприз. Как оказалось, грабитель обладал куда большими талантами, чем можно было предположить. Ему хватило сил и знаний соорудить и спрятать ловушку так, что Изгой заметил ее лишь в самый последний момент.

Откинув тяжелый меховой капюшон, Лённ подставил морозному ветру скуластое лицо, заросшее русой бородой. Колючие льдисто-голубые глаза враждебно и пронзительно смотрели из-под густых бровей – охотник за головами искал опасность среди растущих по обе стороны дороги заснеженных елей. Но лес оставался спокойным и безмолвным. Никто и ничто его не тревожило.

Удостоверившись, что засады нет, Изгой выпустил рукоять короткого широкого меча, висящего на поясе. Присел на корточки и, сдерживая ярость, вновь осудил себя. Две ошибки за один день. Давно такого не случалось.

Отпечатки раздвоенных копыт исчезали в стелющейся поземке. Словно таяли... А ведь последние несколько часов они выглядели совсем свежими, потому он и продолжил погоню, не останавливаясь на ночевку в Хуснесе и решив успеть добраться до Федхе. Желательно вместе с пойманным по пути пленником.

Но неизвестный оказался терпелив. Ему хватило выдержки придерживать способности целых два дня, и теперь, оставив преследователя с носом, он с каждой минутой становился все недоступнее.

Тусклое солнце скатывалось по свинцовому небесному своду, на востоке появился бледный лик полной луны. Лённарт знал, что будет, когда над стынувшими от холода землями выглянут первые звезды, – настанет Отиг, самая длинная ночь в году.

При всем бедственном положении, в которое угодил Изгой, он не мог не восхититься тем, как ловко беглец все провернул. Заставил поверить в свою уязвимость, отвел глаза и нанес удар с таким расчетом, чтобы охотнику стало невозможно добраться до жилья прежде, чем стемнеет.

Нечего и думать, чтобы вернуться в Хуснес до начала темноты. Если идти не останавливаясь, в городе будешь не раньше следующего утра. Поселение Федхе гораздо ближе и к тому же лежит на пути Лённарта – при должной удаче он доберется туда сразу после полуночи. В какой-то мере это обнадеживало. Но все равно Отиг застанет охотника задолго до того, как он окажется рядом с жильем.

Изгой вернулся к мертвому коню и, стараясь не касаться почерневшей, изъеденной язвами кожи, растянул седельную сумку. Тащить с собой все, что в ней было, он не собирался. Лишний груз в такое время губителен. Мужчина остановил свой выбор на огниве, флаге

с крепкой черничной настойкой да мешочком, в котором находилась смесь красного толченого перца, чеснока и крепкого табака.

Развязав зубами тесемки, он снял варежку и, оставшись в шерстяной перчатке, высыпал немного порошка на снег. Затем убрал вещи в переброшенную через плечо кожаную котомку. Прикрепил к унтам старенькие охотничьи лыжи и плотнее запахнул длинный плащ из барсучьих шкур. Уже на ходу Лённарт вернул капюшон на голову и побежал по пустынной дороге, больше ни разу не оглянувшись.

Он не видел, как мертвый конь, приподняв голову, смотрит ему в спину и скалится страшной, желтозубой улыбкой.

Так повелось с начала сотворения мира. В северных странах, где лето всегда было поздним и белоночным, а зима ранней и тягуче-долгой, где в бесконечно-спокойных водах фьордов спали ушедшие боги, а люди уже много веков жили порознь с народом Мышиных гор, Отиг считался особенным праздником.

О нем начинали говорить задолго до холодов и приступали к приготовлениям осенью, как только на осинах желтели первые листья, а салака уходила от скалистых берегов Гьонварда далеко в море. Его ждали и боялись, потому что, когда наступала самая длинная ночь, граница между миром людей и миром тьмы стиралась, а существа, которым в обычное время не было места на земле, до самого утра становились полновластными хозяевами. И власть их была практически безграничной.

Лишь тот, кто сидел дома, заперев двери на засов и подбрасывая хворост в огонь, мог чувствовать себя в безопасности, вслушиваясь в яростный вой ветра за окном.

Прежде чем уйти, боги, чьи имена давно уже забылись, установили закон – люди у очага неприкосновенны. И темные сущности, даже такие могучие и непредсказуемые, как Расмус Углежог, Проклятый Охотник, Дагни Два Сапога или Ледяная невеста, неукоснительно его соблюдали.

К Отигу все старались запастись хворостом, чтобы пламя не гасло до рассвета. В бесконечную ночь люди собирались за одним столом, ели мороженую бруснику, кислую сельдь, подслащенную оленину, пили пахнущий миндалем и гвоздикой глег и слушали рассказы стариков о тех, кто вышел за порог, чтобы никогда не вернуться, а также о тех, кто смог обмануть судьбу и пережить страшное время.

Лённарт был не робкого десятка, за свою жизнь он многое успел повидать, но никогда не желал искушать богов, предпочитая проводить Отиг за безопасными стенами, а не в глуши под открытым небом.

Уже больше часа Изгой бежал вперед и за это время позволил себе лишь одну кратковременную остановку. Иногда он бросал за спину щепотку смеси из перца, чеснока и табака, которые на какое-то время должны были отпугнуть мелкую нечисть, если она шляется где-нибудь поблизости. Солнце уже висело над самым горизонтом, вот-вот должны были наступить сумерки. Зимой на севере темнело рано и быстро.

На землю начали падать редкие снежинки. Лённарт с досадой фыркнул. Ему был знаком и этот снег, и этот ветер, и эти, наползающие с запада, облака. Погода портилась.

Зимний лес наблюдал за одиноким путником с высоты своего огромного роста с безучастной усмешкой. Застывший, безмолвный, с острыми грядками заструг¹ возле древесных стволов, тусклым настом и пушистыми белыми лапами мрачноватых елей.

Одинокие снежинки недолго летели охотнику под ноги, спустя несколько минут начался настоящий снегопад. Но мужчина упрямо продолжал продвигаться вперед, хотя мог бы пере-

¹ *Заструга* – нанесенная ветром снежная гряда возле деревьев и стен, как правило, с острым гребнем.

ждать ненастье. Вырыть лежище в сугробе несложно и без лопатки. Или, на худой конец, используя плащ и нижние, самые густые, еловые лапы, построить укрытие. Надо лишь следить, чтобы подтаявший с ветвей снег не упал в костер, который нетрудно развести даже в такую погоду. Огонь даст тепло. Но привлечет к себе внимание. Так что останавливаться во время Отига вне дома – верх глупости. Лённарт не желал, чтобы к нему нагрянули в гости ни звери, ни... кто-то еще.

Трижды охотнику чудилось, что за ним кто-то идет. Он слышал то быстрые шаги, то приглушенный стук лошадиных копыт. Каждый раз приходилось останавливаться, отступая поближе к деревьям. Лённ сбрасывал капюшон и, не обращая внимания на холод, подолгу прислушивался. Но дорога оставалась пустой, никто не спешил показаться из-за поворота, и меч, наполовину вынутый из ножен, отправлялся на покой.

Мороз, и без того сильный, продолжал крепчать. Изгой вытянул из-под теплой куртки с овчинной подстежкой ворот оленьего свитера и натянул на подбородок. Затем закрыл шарфом нижнюю часть лица, оставив только прорези для слезящихся глаз. Разыгравшийся ветер сразу же перестал сбивать дыхание, идти стало легче.

Добравшись до развилки, отмеченной невысоким каменным крестом, шершавым и накренившимся, охотник остановился.

Отсюда в Федхе вели две дороги.

Одна из них, короткая, была давно заброшена. Несколько лет назад Лённарт проезжал по ней, и выигрыш по времени оказался очень заметным, хотя путь напрямик, через Йостерлен, не пользовался популярностью у местных жителей. Изгой вдоволь наслушался историй о покинутом становище, о горящих в ночи кострах и свирепых пожирателях человечины. Эти рассказы ничем не отличались от тех, что ходили в Гренграссе, где он родился и вырос. В каждой земле есть свои страшные сказки. Крестьяне, оленеводы и лесорубы любят их сочинять и с легкостью верить в придуманное.

Разумеется, в любой лжи может оказаться доля истины, поэтому, отправляясь по неизвестному пути первый раз, охотник за головами держал оружие под рукой. Но так и не встретил ничего опасного. Лес оставался лесом, точно таким же, как везде. Даже заброшенное среди полей морошки становище с покосившимися хижинами, крыши которых поросли мхом и папоротником, оказалось безопасным для ночевки.

Снега намело столько, что путь едва угадывался. Лыжи спасали, но даже в них идти было нелегко. Ели придвинулись вплотную, нависли над охотником, а затем раздались в стороны, отбежав на несколько сотен ярдов, и открыли взору большую прогалину, заваленную крупными, высотой в два-три человеческих роста, базальтовыми камнями. Они походили на убитых солнечным светом, запорошенных троллей. Ветер, больше не скованный деревьями, разыгрался и устроил настоящие салки со снежинками.

«Летом здесь гораздо приятнее», – подумал Лённарт, переживая очередной ледяной порыв.

Окончательно стемнело. Полная луна неслась наперегонки с облаками, то и дело с разбегу ныряя в них и вновь выглядывая через разрывы. Ее бледного света было вполне достаточно, чтобы не сбиться с пути.

У кромки леса мужчина остановился. На дороге, вокруг так и не разведенного костра, лежали человеческие трупы. Чуть дальше, ярдах в шести от них, валялись дохлые лошади.

Лённарт подошел к ближайшему мертвецу, рукавицей смахнул с его лица снег и удивленно хмыкнул, увидев застывшую счастливую улыбку. Изгой не сомневался, что еще час назад незнакомец был жив, но создавалось впечатление, будто он несколько недель пролежал на холоде. Белый, с посиневшими губами, покрытыми инеем волосами и тонкой корочкой льда, сковавшей кожу, он превратился в стылое изваяние.

Охотник склонился над следующим покойником. Тут было то же самое. Счастливый оскал, ледяная корка и распахнутые белесые глаза.

– По мне, лучше бы вы умерли как-нибудь иначе, – обратился Лённарт к мертвецам, но те не собирались отвечать и продолжали блаженно лыбиться.

В народе гуляли истории о Ледяной невесте, появляющейся на пустынных дорогах в самые холодные дни в году и целующей приглянувшихся ей путников. Говорят, поцелуй этот сладок, словно горный мед, и, отведав его, человек улыбается даже после смерти.

Лённарт поспешно осмотрел землю и на самом краю истоптанного участка нашел то, что до последнего мгновения надеялся не увидеть, – едва различимые следы босых девичьих ступней. Они исчезали ярдах в десяти от того места, где он стоял, – словно женщина растаяла в воздухе. Возможно, так оно и было.

– Извините, ребята, за то, что мне придется сделать, – сочувственно произнес Изгой, обнажив меч. – Но выбора у меня нет.

Насколько он помнил, люди, погибшие от встречи с Ледяной невестой, не имели дурной привычки бродить после смерти, но рисковать и оставлять за спиной трех упырей, особенно в Отиг, – настоящее самоубийство. Поэтому, скрепя сердце, Ленн сделал то, что диктовал ему трезвый расчет.

Больше всего пришлось повозиться с последним из мертвецов. Кровь, превратившаяся в лед, мерзко скрипела под клинком. Смерзшаяся плоть была твердой, словно мореный дуб, которым обшивают борта королевских фрегатов. Приложив немало упорства, охотник все-таки смог отделить голову от тела.

Убрав оружие, он достал фляжку и сделал скупой глоток. Жидкость славно обожгла горло, по языку растекся приятный вкус свежей черники.

– Пусть боги смилостивятся над вашими душами и примут их в свои благословенные чертоги, – пожелал он мертвым.

Изгой не стал обыскивать карманы незнакомцев, несмотря на богатую одежду и дорогое оружие. Он не любил обирать умерших, хотя о нем и ходили такие слухи. Однако Лённ не спешил их опровергать. Они были ничуть не хуже тех, где ему приписывалась особая, изощренная жестокость с убийцами и душегубами, на которых он имел привычку охотиться. У него была репутация серьезного человека, которому лучше не попадаться под руку. Особенно когда за это обещана хорошая награда.

Спустя несколько минут после того, как Изгой покинул прогалину и скрылся в лесу, из снежной пелены неспешно выступил его конь. Он подошел к людям, наклонив голову, обнюхал тела и, разочарованно всхрапнув, направился к лошадям. Копнул снег копытом, коснулся мордой каждой из них. Призывно заржал.

Животные, зашевелившись, начали подниматься. Лед на их шкурах лопался и с легким, едва слышным приятным звоном осыпался. Через несколько мгновений, ожившие отправились той же дорогой, что и Лённарт.

...Полная ушла, веселись ралан хей!
Полная ушла, ралан хей! Ралан хей!
А тот, кто полную не взял,
Тому Расмус Углежог лишь половинку дал.
Полная ушла, веселись ралан хей!..

Эту песню часто пели в Строгмунде, и теперь она вертелась у Лённарта в голове, помогая бежать.

Изгой торопился.

Ему то и дело приходилось перебираться через большие сугробы и наносы либо спускаться с какой-нибудь горки. Местность была неровной, в складках, и если летом, на лошади, путешествие не становилось обременительной задачей, то теперь даже двужильный Изгой чувствовал усталость. Однако старательно ее не замечал.

Луна скрылась, снег валил не переставая. Темные стены деревьев вырастали по обе стороны дороги, сжимая ее в колючие тиски и не давая возможности рассмотреть, что скрывается за ними.

Впереди что-то оглушительно лопнуло, тоскливо и протяжно застонало, раздался нарастающий треск. Огромная ель, дрогнув, начала крениться к земле, падая все быстрее и оставляя за собой шлейф слетающего с ветвей снега.

Могучее дерево рухнуло ярдах в шестидесяти от застывшего охотника, перегородив дорогу. Лес заходил ходуном, словно через него продиралось нечто огромное, неуклюжее и неповоротливое.

– Хум! Хум! Хум! – раздалось сквозь треск низкое, недовольное ворчание.

Очередная ель не выдержала натиска и, надломившись, словно сухая веточка, упала следом за первой.

Лённарт, не став дожидаться, когда его увидят, бросился в лес. Бежать оказалось нелегко, густой валежник хватал за лыжи, перегораживал путь. Снежные шапки срывались с потревоженных ветвей, падали на голову, плечи, спину. Плащ цеплялся за острые сучья. Но постепенно треск и раздраженное «хум-хум» затихли вдали. Изгой прислонился к шершавому, едва уловимо пахнущему смолой и хвоей дереву. Перевел дух.

Кажется, пронесло.

Он хорошо знал местность и решил сделать небольшой крюк, чтобы обойти опасный участок.

Когда охотник вышел к скованной льдом реке, здесь властвовало безветрие. Но путник не ободрялся. Все могло измениться в любое мгновение, и отнюдь не в лучшую сторону. От Йостерлена до моря рукой подать, и капризы погоды тут ничуть не лучше капризов смазливой девчонки из Солвика, которую он знал, когда был совсем молодым.

Лённарт старался не подходить к правому берегу – высокому и скалистому. Течение там было быстрым, оно подмывало лед изнутри, и мужчина не желал рисковать попусту. Когда через шестьсот с лишним шагов река резко повернула на восток, Изгой, оставив ее, вернулся к тракту.

Здесь не было даже намека на «крушителя елей». Однако вдали послышался волчий вой. Тягучий и тоскливый. Судя по перекликающимся голосам, стая вышла на охоту. До серых хищников пока было довольно далеко, но Лённарт знал, как быстро они умеют бегать и как опасны в это время года. Поэтому не стал мешкать и кинулся прочь, надеясь успеть к становищу раньше, чем хищники доберутся до него.

Подгоняемый приближающимся воем, он вышел на поляну, окруженную со всех сторон белесыми березами, редкими для этой местности, и с удивлением остановился. Путь все так же вел на северо-запад, но от него отходила довольно широкая, ровная, а главное, прекрасно расчищенная дорога на запад.

Лённарт не помнил, чтобы раньше здесь было что-то подобное. Кроме того, похоже, новоявленный тракт чистили совсем недавно. Опасаясь странного места, он повернул на северо-западную тропу, но внезапно из-за деревьев выскочили десять волков. Двое из них были матерыми, четверо переярков и столько же прибылых. За спиной беглеца завывали те, кто гнал его до тракта.

– Вполне хватит по мою душу и этих, – пробормотал Изгой, не спуская глаз с осторожно приближающихся зверей.

Обнажив меч и длинный нож, он начал пятиться.

Однако волки не бросились на него. Они остановились, едва он ступил на западную дорогу, и, поджав хвосты, легли в снег, пронзая человека голодными взглядами. Еще девять хищников появились на поляне и, недовольно ворча, присоединились к сородичам.

Охотнику хватило нескольких секунд, чтобы сообразить – стая опасается того же, что и он. Необычной дороги. Но теперь ему придется попытаться дойти до западных окраин леса Йостерлена, держась этого нового странного тракта.

Невообразимо далеко. Невообразимо долго. Невообразимо глупо.

Он двинулся вперед, поминутно оглядываясь, но его так и не решились преследовать.

Мужчина шел уже больше часа. Лес купался в серебре лунного света, напоминая застывшую сказку. Спокойную, отрешенную и величественную.

Вокруг властвовало полное безветрие и абсолютная тишина. Даже снег под ногами не скрипел. Лённарт кашлянул, чтобы убедиться, что никто не посмел похитить звуки, и тут же ощутил себя полным идиотом.

Изгой не ободрялся насчет странного поведения стаи. Раз звери не решаются сюда заходить, значит, есть чего опасаться. На перекрестке выбор его был очень прост – умереть сейчас же или рискнуть, надеясь, что повезет.

В Отиг возможно все. Он уже успел в этом убедиться.

Снег искрился на притихших ветвях и огромных сугробах, словно топазовая крошка. Лённарта окружала одна сплошная драгоценность – завораживающая, непостижимая и гораздо более прекрасная, чем все, что он когда-либо видел. Даже ледяные гроты Кунстардана с изумрудными стенами, огромными многогранными голубыми сосульками и зеркальными куполами не потрясали его так, как ночной Йостерлен Отига.

Звездный Всадник – еще одно топазовое кольцо, только не на земле, а в небе – пульсировал постоянным бледно-голубым мерцанием, порой наливающимся густой синевой. Созвездие, казалось, приблизилось и, заняв всю западную половину неба, пыталось догнать ускользающую луну. Полную, огромную, ярко-желтую, с черно-лиловыми прожилками на поверхности. Напоминающую Лённарту сыр из южных областей страны.

Горизонт на севере вспух и лопнул салатovým сиянием. Разрастаясь, оно сменило цвет на изумрудный, жадными пальцамихватило половину неба, но, словно обо что-то обжегшись, испуганно сжалось.

Лённарт удивленно нахмурился. В этих местах никогда не было полярного сияния. Воистину, Отиг продолжает безумствовать.

Под нижними ветвями ели, растущей чуть дальше по дороге, зажглись два желтых огонька. Мужчина, отбросив край плаща, положил руку на меч. Огоньки настороженно мигнули, но не пропали. Лённарт нерешительно прошел мимо, не спуская взгляда с любопытных, изучающих глаз.

Ничего не случилось.

Кто бы это ни был, он не спешил нападать первым.

Желтые, голубые, красные огоньки замерцали под деревьями по обе стороны тропы. Неизвестные существа наблюдали за чужаком. Возможно, это были лесные духи, возможно, хозяева корней, быть может, проснувшиеся моховики.

Глаза настороженно мигали, когда Лённарт смотрел в них, но не спешили выбираться на лунный свет из густой тени еловых лап.

Наконец Изгой, не сдержав любопытства, подошел к краю заметенной тропы и заглянул под ветку, из-под которой за ним с опаской наблюдали бирюзовые светляки.

Тут же раздалось рассерженное шипение, словно кто-то плеснул водой на раскаленные камни, «глаза» отпрянули поближе к стволу, и Лённарту в лицо угодил комок снега. Он выругался от неожиданности, отступил назад, вытирая рукавицей бороду, нос и щеки. Вокруг слы-

шались возмущенные пiski и уханье. Лесные жители, пораженные столь наглым поведением, высказывали грубияну все, что думают о нем и его немыслимом поступке.

Со всех сторон в Изгой полетели снежки. Они отличались большой точностью и били в плечи, грудь, голову. Лённарт, рыча, выставил перед собой руку и бросился бежать. За спиной раздалось победное улюлюканье. Однако от него отстали.

Охотник посмотрел на небо, пытаясь определить время по звездам. До полуночи оставалось не больше часа.

Преодолевая усталость, человек вновь двинулся вперед и вдруг услышал смех. Пытаясь определить, откуда он раздается, Изгой остановился, сдернул с головы капюшон и застыл, словно готовая к броску рысь. Задорный женский хохот звучал все ближе. Лённарт с удивлением задрал голову.

На фоне луны промелькнул темный силуэт. Один. Другой. Третий... Десятый...

Веселая кавалькада неслась по небу, купаясь в ледяном ветре и по дороге распугивая шарахающиеся звезды. Незнакомцы стремительно мчались с севера на юг. Лённарт сам не заметил, как очутился возле дерева с мечом в руках и, укрытый густыми ветвями, смотрел на беззаботную гурьбу, исчезающую в темноте неба вместе со смехом, криками, дудками и собачьим лаем. Оставляющую после себя едкий звон в ушах, учащенно бьющееся сердце и пересохшее от страха горло.

Наконец решив, что опасность миновала, Изгой вышел из укрытия на тропу, но оружие убирать не спешил до тех пор, пока не убедился, что никто из Проклятой свадьбы его не приметил.

Истории о ней были одними из самых востребованных в ночь Отига. Любой рассказчик был готов с удовольствием поведать всем желающим, кого, в какой год и при каких обстоятельствах затянула в свой развеселый хоровод Проклятая свадьба. В Гьонварде не было ни одного города, ни одной деревни, где не пропали бы несколько человек. Рано или поздно кто-нибудь оказывался в Отиг вне дома, и рано или поздно кого-то из этих невезунчиков подхватывало летящее по небу веселье. Чтобы пить, петь, плясать, радоваться рядом с женихом и невестой. И больше никогда не возвращаться к родному очагу. Навеки быть скованному древним проклятием, отлавливать новых случайных путников, забирая их для вечной жизни.

Для себя Лённарт из Гренграса подобной участи не желал и, если бы его заметили, не собирался сдаваться так просто. Охотник не был уверен, что обычная сталь опасна для бездушных призраков, но в том, что не дался бы им живым, он не сомневался. Оставалось лишь поблагодарить богов, что чаша сия обошла его стороной.

Погода начала портиться, небо затянули облака. Луна исчезла, и ночь скрыла большую часть дороги. Йостерлен мгновенно перестал быть волшебным и сказочным, превратившись в нелюдимо мрачного затворника.

Заметив впереди какое-то движение, Лённарт решил сойти с тропы. Но не успел. Его слышали. Гигантское существо оказалось прямо перед оторопевшим Изгоем в три огромных шага. Оно напоминало серую гору и было покрыто густой лохматой шерстью. Сизый нос, так похожий на еловую шишку, размером мог поспорить с целым комодом. Большие ореховые глаза с пушистыми ресницами прятались под густыми, словно грубая щетка, бровями. Охотник только теперь понял, что перед ним самый настоящий тролль.

– Хум-хум-хум! – знакомо пробормотал великан.

На голове у него была войлочная, порядком потрепанная шляпа с несуразно широкими полями, а в лапах деревянная лопата, с помощью которой он расчищал путь.

Чудовище скосило глаза на Лённарта и приподняло шляпу над головой, приветливо кивая и растягивая пасть в улыбке, сверкнув внушительным набором зубов.

Изгой, опешивший от такой вежливости людоеда, все-таки нашел в себе силы кивнуть в ответ.

Троль отвернулся, взмахнул заступом и, отбросив на обочину целую гору снега, не спеша двинулся вперед. Он тяжело сопел, из его носа на мороз вырывались целые клубы горячего пара. Огромный, выдающийся вперед живот мерно колыхался в такт тяжелым косолапым шагам.

– Хум! Хум!

Лённарт обогнал гиганта и, стараясь не бежать, поспешил дальше, постоянно оглядываясь. Но троль был занят делом – он чистил тракт и больше не смотрел на человека. Постепенно великан исчез за деревьями, и оттуда лишь изредка доносилось приглушенное «хум-хум».

Вновь пришлось идти по глубокому снегу, и теперь спасали только лыжи. Лённарт посмотрел под ноги, тихо выругался и присел перед отпечатками раздвоенных козлиных копыт.

Вне всякого сомнения тот, за кем он так долго гнался, тот, о ком за время безумного Отига уже успел подзабыть, недавно проскакал этой же дорогой. Лённарт поспешил по четким следам. Кажется, он нагонял беглеца, несмотря на то что тот был верхом.

Судя по глубоким и неровным отпечаткам, тарвагский козел очень устал и едва волочил ноги. Двухдневная гонка выпила его силы, и зверь, несмотря на сказочную выносливость, начинал сдавать.

Наступил первый час ночи – называемый часом Ведьмы.

Вьюга началась неожиданно. Теперь снежинки, словно назойливая мошка, лезли в глаза, липли к ресницам, мешая идти, и от них не спасал даже надвинутый капюшон. Изгой окружила сплошная белая стена, хаотичная, прихотливая, где без труда мог затеряться кто угодно. Она была способна смутить слабого духом, заставить ходить по кругу, бежать в страхе, звать на помощь.

Ветер выл, словно тысяча грешников. В снежной круговерти виделись тени и силуэты того, чего не могло там быть. Веселая пляска мужчин и женщин, четверка ковыляющих лошадей, бегущая стая волков, за которыми гонится одинокий снежно-белый пес. Рыбацкая лодка, взмывающая над волнами, чтобы превратиться в белого альбатроса, который легкой снежинкой падает вниз и через мгновение взмывает в вихре круговерти вместе с тысячами точно таких же, как он, братьев и сестер. Изгой слышал безумный свист дудок, разудалую песню, злой бездушный смех, безудержные рыдания, волчий вой, свист кнута, проклятия, исполненные лютой ненависти, робкие мольбы о пощаде, крики боли, ужаса и наслаждения.

Вьюга была всем и одновременно ничем.

Стуток подчиненной Отигу стихии, поймавшей одинокого путника в паутину смертельного безумия. Духи зимы вились вокруг Лённарта, и их ледяные тритоньи хвосты то и дело проносились у него перед самым лицом. Они касались его тонкими, бесплотными руками, заглядывали в глаза, звали за собой, туда, где гремели дудки и барабаны, звучали песни и крики о помощи.

Охотник боролся с ними. Согнувшись в три погибели под порывами ветра, он упрямо переставлял ноги и, сцепив зубы, шел вперед.

Нельзя останавливаться. Нельзя слушать голоса. Нельзя верить.

Ничто не могло уберечь его от ветра и холода, от режущих кожу ледяных кристаллов и того ужаса, что накатывает на человека каждый раз, когда в вое слышатся чьи-то крики. Жадная вьюга, точно прожорливая пиявка, пила из охотника силы, а вместе с ними и жизнь. Лённарт чувствовал, как она бежит из него непрерывным ручьем, тает с каждой секундой. Что-то огромное, безжалостное навалилось ему на плечи, засопело в ухо, начало душить, мешая двигаться. Он давно не чувствовал пальцев, в глазах то и дело темнело, губы трескались, кро-
воточили, стыли на холоде и снова лопались.

Лённарт споткнулся, упал, зарычал, словно пойманный в ловушку зверь, упрямо затряс головой, встал на четвереньки, с усилием поднялся, дернув плечами, и тяжесть на несколько мгновений отступила. Он готов был поклясться, что услышал протестующий вопль сброшенного.

Не желая сдаваться, Изгой побежал вперед, проклиная и похитителя, и весь народ Мышинных гор.

Никто из них не стоил этого.

На плечи вновь навалилась усталость. Ее вес был столь огромен, что ноги Лённарта не выдержали, он опять упал и на этот раз уже не смог подняться. Выюга, сжалившись над человеком, запорошила его теплым, нежным, снежным шелком и ласково нашептывала колыбельную.

Лённарт из Гренграса, которого многие знали под прозвищем Изгой, проигрывал схватку за свою жизнь.

Ему снились нигири – народ Мышинных гор.

Их ласковые, щебечущие, птичьи голоса. Беличьи уши с пушистыми венчиками кисточек. Синие, как тысячетный лед Грейсварангена, глаза. Черные узоры татуировок в углах ртов, на лбах и щеках. Украшения из моржовых клыков и бледных многогранных аквамарин. Глухая одежда из тюленьих и оленьих шкур и конечно же магия. То, чем раньше владели и люди, и нигири, в полном объеме осталось лишь у последних. Так захотели давно ушедшие боги, но никто не помнил причин, почему они приняли такое решение.

Однако с тех пор маленькому народу не стало места среди людей. Зависть, злоба и недовольство соседей заставили их уйти далеко на север и запереться между ледяных скал и торо-сов. Они редко выходили в обжитые земли и еще реже пускали к себе гостей. Существовала граница, за которую таким, как Лённарт, без приглашения ходу не было...

Сквозь сон Изгой услышал собачий лай. Он становился все громче. С трудом подняв голову, через летящий в лицо снег и метель охотник разглядел впереди отблеск костра. Все еще не веря в увиденное, он поднялся и направился на свет огня.

Его окружили старые, покореженные временем, занесенные осины с омертвевшими высушенными вершинами и обломанными нижними ветвями. Лённарту понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что он оказался на кладбище. Судя по всему, старом и всеми давно забытом.

Невысокая ограда, сложенная из взятых на берегу реки камней, была порядком разрушена. От ворот осталось одно воспоминание, теперь на их месте возвышались два склонившихся друг к другу толстых дерева. Ветви крон переплелись между собой так, что получилась арка. За нею, в красноватых отблесках костра, виднелись покосившиеся могильные камни.

Огнище казалось огромным. Пламя не смущал ни поднявшийся ветер, ни валивший снег – оно не собиралось затухать от столь незначительных неудобств.

Лённарт задумчиво посмотрел назад, в лесной мрак.

Выюга Отига крепчала. Все громгласнее становилось ее жуткое многоголосое пение. Стремительно холодало. Жгучий мороз обжигал ноздри, не давая дышать.

Изгой понимал, что сейчас опять находится между двух зол. Лес и непогода убьют его. С другой стороны, сидящие у огня – вряд ли простые люди. Те никогда не станут жечь костер на кладбище в такую ночь. Всем известно про Орвара Большое Брюхо. Погосты – это его вотчина.

Следовательно, тот, кто создал пламя, не боялся ни внимания Орвара, никого другого из тысячного сонма темных существ. И от него следовало бы держаться как можно дальше, если бы не одно «но».

Изгой не хотел умирать.

Огонь давал шанс выжить. И Лённарт не собирался его упускать.

Охотник решительно двинулся вперед, прошел под склоненными осинами и едва миновал «ворота», как ему навстречу, перепрыгивая через обломанные ветром могильные камни, выскочили две огромные собаки.

Кобель и сука. Широкогрудые, с пушистой, густой, белой шерстью, лобастыми головами и длинными лапами. Они ничем не напоминали ни свирепых мясницких псов Дуйтчварга, ни серых волкодавов Клеверного острова, ни пастушьих сторожевых из южных областей страны.

Лённарт настороженно рассматривал животных. Сука встретила с ним взглядом и насмешливо фыркнула. Глаза у нее были желтыми и безучастными, как плывущая по небу луна. Ее зеленоглазый спутник хватанул пастью снег, жадно прожевал, глубоко вздохнул и выжидающе посмотрел на Изгоя.

Тот благоразумно убрал руку с меча.

Словно подчиняясь чьей-то команде, собаки развернулись и потрусили к огню. Лённарт, поколебавшись, снял лыжи и направился следом.

Костер оказался даже больше, чем он предполагал. Выше человеческого роста. Пламя гудело, словно в горне кобольдов, и бросало тысячи рубиновых искр в облачное небо.

В шаге от границы тьмы и света Лённарт, замешкавшись, остановился. Вокруг него бушевала вьюга, а там было полное безветрие – ни одна снежинка не осмеливалась упасть рядом со стоянкой.

У огня, на оленьих шкурах, сидели люди. Шестеро.

Ближе всех к охотнику находился мужчина лет пятидесяти. В его густой черной бороде было полно седины. Орлиный нос и сросшиеся темные брови придавали незнакомцу грозный вид, в дубленую куртку и штаны вьелась угольная пыль, лисья шапка-ушанка лежала рядом, на шкуре. Он беседовал с красивой рыжеволосой женщиной, несмотря на зиму одетой лишь в тонкое изумрудное платье с алой полосой, идущей от низкого выреза на груди, и бархатные остроносые полусапожки, украшенные рдяными блестками.

Рядом, в окружении трех белых собак, восседал невысокий, щуплый сероглазый молодой человек с неприятным, несколько одутловатым лицом и редкой каштановой бородой. У его бедра лежало короткое копьё с длинным наконечником и лук с неполным колчаном. Парень был занят тем, что трепал по холке синеглазого пса, и тот, словно кот, довольно жмурился.

Сразу за ним, подогнув под себя ноги, ссутулилась некрасивая молоденькая светловолосая девушка. Она что-то напевала и ласково гладила ладошкой оленью шкуру.

Еще дальше пристально наблюдал за пламенем, положив руки на гарду вонзенного в снег меча, высокий мужчина. Надвинутый капюшон скрывал от Лённарта его лицо.

По другую сторону костра в одиночестве расположился грузный толстяк. Чавкая, он ел печеную лосятину, разрывая мясо толстыми пальцами.

Синеглазый пес поднял уши и, посмотрев в сторону Изгоя, задумчиво склонил голову. Недавние знакомые Лённарта – желтоглазая сука и ее зеленоглазый спутник – оставили появление человека без внимания.

Охотник вышел на освещенное пространство и глухо сказал:

– Добрые люди! Пустите погреться.

Крупный широкоплечий мечник встал, выдернув клинок из снега. Но чернобородый мужчина прервал беседу с красавицей в зеленом платье и едва заметно покачал головой. Воин без возражений опустился на прежнее место, положил меч на колени и, как прежде, уставился в огонь.

Чернобородый посмотрел на Изгоя:

– С добрыми людьми ты несколько поторопился, человеке. Но к огню проходи. Негоже гнать путника прочь в такую ночь. Будешь моим гостем.

Приземистый жирный детина в подранной собачьей шубе, услышав эти слова, недовольно заворчал и, рыгая, принялся ковырять вымазанным жиром пальцем в гнилых зубах.

Этот не понравился Лённарту сразу. Плоская рожа, низкий лоб, широко посаженные злобные глазки, всклокоченная борода цвета ржавчины.

Пригласивший Изгоя к костру не обратил на недовольство сидящего рядом ровным счетом никакого внимания.

Возле огня было тепло. Лённ расстегнул застежку барсучьего плаща и бросил его на шкуры. Рыжеволосая, повинаясь легкому движению черных бровей мужчины, изящно поднялась и подошла к чугунному котлу, стоящему на углях. Зачерпнув из него ковшиком на длинной ручке, налила в кружку и с улыбкой протянула ее гостю.

Прежде чем взять напиток, охотник задержал взгляд на лице женщины. Оно было прекрасно, словно выточено самым талантливым скульптором. Прямой нос, овальный подбородок, чувственные губы. Белоснежная кожа. Рыжие, красноватого оттенка волосы, брови и ресницы. И едва заметные бледные конопушки на высоких скулах. Разумеется, зеленые глаза. У таких рыжеволосых женщин, уроженок восточных островов Гюнварда, цветом они походили на поделочный змеевик. Когда красавица улыбалась, в уголках ее глаз собирались крошечные морщинки, и Изгой понял, что она не так молода, как кажется.

В кружке оказался горячий глег, остро пахнувший миндалем и какой-то неизвестной охотнику заморской пряностью. Он с сомнением покосился на напиток, почему-то ожидая, что тот в любой миг может превратиться в кровь, но не решился обидеть хозяев и сделал осторожный глоток.

Красное вино, дорогое, крепкое, душистое и ароматное, заставило сердце стучать быстрее, усталость отступила.

Светловолосая дева неожиданно подняла на Изгоя затуманенные бледно-голубые глаза. Стремительно встала и направилась к нему, осторожно, словно боясь наткнуться на рассыпанные иголки, ступая по снегу. Из одежды на ней была лишь тонкая, ничем не подпоясанная крестьянская рубаша, а ноги оставались босыми. Лённарт нахмурился. Отпечатки ступней заставили охотника вздрогнуть, но, прежде чем он успел испугаться, на пути у девчонки встала рыжая красавица.

– Что такое, Сив?² – участливо поинтересовалась она.

– Он. – Босоногая указала на застывшего и забывшего дышать Изгоя. – Это мой жених?

Рыжая вопросительно посмотрела на чернобородого, и тот снова отрицательно покачал головой.

– Нет, милая. Это не он.

– Правда? – Та доверчиво смотрела на женщину.

– Правда, – мягко ответила та. – Этот другой. Чужой.

Девушка сделала еще один шаг, и рыжеволосой пришлось, обняв ее сзади, крепко сплести руки на талии.

– Он чужой, – шепнула она на ухо странной девчонке.

– Я поцелую его. Один раз. Ему понравится. Пожалуйста, тетя, – умоляюще попросила босоногая.

– Нет, Сив. Он наш гость. Идем. Идем со мной. Смотри, какой олешка. Нравится?

Ледяная невеста задумчиво кивнула, рассматривая лежащий на снегу мех.

– Серебристый. Теплый.

Забыв о Лённарте, девушка легла на шкуру и свернулась клубочком. Рыжая села рядом, ласково поглаживая ее по волосам.

– Тетя?

– Да, милая?

– Я устала. Хочу туда. В пламя. Забыться.

² Сив – «невеста» (норв.).

– Перестань. Тебе запрещено.

– Знаешь... я сегодня снова искала его весь день. Но... каждый раз ошибалась. Почему они все застывают? Почему бросают меня?

– Они тебя недостойны. Пустые люди. Ты найдешь его. Когда придет время. А теперь спи. Это всего лишь сон.

– Сон? – пробормотала девчонка.

– Да. Закрывай глазки. Когда ты проснешься, он сам найдет тебя и будет рядом.

– Правда? – счастливо поинтересовалась Ледяная невеста. – Обещаешь?

– Обещаю.

Трещали дрова в костре, противно чавкал плосколицый громила, загадочно улыбался человек с собаками. Чернобородый задумчиво посмотрел на истекающего потом Лённарта.

– Только не говори, что ты не знал, кто сидит у огня во время Отига.

– Я... подозревал.

– Но надеялся, что все же ошибаешься. – Тот покачал головой. – Так ты догадался, кто я?

– Нет.

– А про Сив, как понимаю, догадался?

– Я понял, кто она такая.

– Тем лучше. Ты ей понравился, и девочка тебя так просто не забудет, Лённарт.

– Не помню, чтобы я представлялся. – Это прозвучало немного резче, чем он хотел.

Собеседник громко фыркнул:

– Даже я слышал о Лённарте из Гренграса. Лённарте Изгое. Лучшем охотнике за головами на всем Гьонварде. Слава бежит впереди тебя, человек. И в большинстве своем – слава дурная.

– Не всему, что говорят, можно верить.

– Но прозвище Изгой ты получил вполне заслуженно. В Гренгресе тебя до сих пор поминуют плохим словом. Что ты там учудил, человеке?

– Разве это сейчас важно?

– В общем-то нет, – усмехнулся чернобородый.

– Что ты с ним возишься? – прогудел пожиратель лосятины. – Не видишь, как он туп?! Отдай его мне!

– Помолчи, Орвар.

– Не затыкай мне рот! – рыкнул тот, и темные глазки блеснули красным. – Это моя земля!

– Не позорься, брат. И меня не позорь, – с презрением сказала рыжеволосая женщина, и это сразу охладило пыл забияки. – Мы – твои гости. Этот путник – тоже. Так что будь добр, прояви себя радушным хозяином.

– Ну, положим, некоторых я к столу не приглашал, – проворчал Орвар Большое Брюхо, зло посмотрев на Лённарта. – Разве что только на стол.

Он рассмеялся собственной неказистой шутке, но никто его не поддержал, и повелитель кладбищ вновь занялся едой, выудив из воздуха на этот раз кусок оленины. Чернобородый обернулся к Изгою:

– У тебя потрясающий талант наживать себе неприятности. Вначале Сив, теперь этот бездонный мешок. Не советую тебе в следующий Отиг выходить из дома, человеке. Меня и Дагни может не оказаться рядом, и никто не остановит ни девочку, ни Орвара.

Лённарт прищурился:

– Готов поспорить, тебя зовут Расмус.

– Ба! – Чернобородый сделал удивленные глаза. – С чего ты так решил?

Изгой пожал плечами:

– В народе говорят, Дагни Два Сапога и Расмус Углежог – неразлучная пара.

– Только зимой, малыш, – сказала рыжеволосая, продолжая поглаживать Сив по волосам. – Вот видишь, братец. Он не так безнадежен, как ты думал.

Орвар, не переставая жевать, пробурчал, что в гробу он таких видал. Сотнями. Лённарт в ответ отхлебнул глега.

– Ты упомянул про следующий Отиг. По мне, так до него еще слишком далеко. Вначале надо пережить этот.

– Все зависит от тебя. – Настала очередь Расмуса пожимать плечами. – Мы дадим тебе шанс выжить.

Лённарт не горел желанием заключать сделки с темными силами.

– Еще? – улыбнулась Дагни.

Охотник за головами подумал, кивнул и протянул рыжей опустевшую кружку. Она вновь наполнилась глемом, и Изгой не успел моргнуть, как перед ним, прямо на земле, появились глиняные миски с едой.

– Угощайся, – благодушно предложил чернобородый. – Ешь-ешь. Я отсюда слышу, какое эхо живет в твоём животе. Избавь меня от этих звуков. А после... поговорим.

Кислая салака, брусника, мед, грубый зерновой хлеб и мясо глухаря с пареным луком. Лённарт не заставил просить себя дважды. У него с раннего утра во рту не было ни крошки, и он надеялся, что еда не исчезнет у него из живота точно так же, как появилась. Орвар принялся, презрительно скривился и начал остервенело обглаживать кость, скрежеща по ней зубами.

Молчаливый молодой человек подбросил в огромный костер еще немного дров, отчего в небо ударил очередной сноп искр. За границей света белой стеной бушевала выюга.

– Почему вы спасли меня?

– Мы? Не говори ерунды! Мы не занимаемся спасением людей. Если честно, парень, в большинстве случаев нам наплевать, что будет с такими, как ты.

– И все же вы привели меня сюда.

– Вновь ошибка. Ты сам пришел. Мы просто приняли тебя, как случайного гостя.

– К тому же собаки его пропустили, – сказал сероглазый, окруженный тремя белоснежными зверями. Голос у него оказался неожиданно высоким и звонким.

Дагни вопросительно подняла брови:

– Так, значит, это твои шутки, Охотник?

– Я им не приказывал. Просто Юрвюдер³ показалось, что будет забавно продолжить историю этой ночи. – На его лице блуждала загадочная улыбка. – Хьйортанд⁴ был того же мнения.

Синеглазый пес, самый большой из трех, подошел к Лённарту и пристально посмотрел на него. Мужчина был готов заложить собственную руку, что в этом взгляде было больше разума, чем у некоторых людей.

– Ты нравишься Фирну,⁵ – с удивлением сказал Охотник. – И Юрвюдер не так просто привела тебя к огню. Мои друзья не к каждому подходят.

Пес так же молча отошел. Орвар, вытянув сальные губы трубочкой, едва слышно свистнул, привлекая к себе внимание зверя. Фирн его проигнорировал, зато зеленоглазый Хьйортанд решил проверить, в чем дело, и, несмотря на неодобрительно сведенные брови Охотника, направился к повелителю могил. Тот скорчил довольную рожу и швырнул в пса костью.

Он не попал, но в следующее мгновение на грубияна налетел страшный в своей ярости снежный буран. Возле горла Орвара грозно щелкнули клыки, и тот с удивленно-рассерженным

³ Юрвюдер – выюга, метель (швед.).

⁴ Хьйортанд – клык (швед.).

⁵ Фирн – прошлогодний, старый, лежалый снег (старонем.).

воплем упал на спину. Зубы клацнули еще раз, однако через секунду пес отпрыгнул в сторону, избегая удара грубого каменного молота, появившегося в руках брата Дагни.

Толстяк, рыча и страшно сквернословя, вскочил на ноги. Брызжа слюной, он двинулся на зверя, однако рядом с зеленоглазым встали Юрвьюдер с Фирном, и Орвар в нерешительности остановился. Троица заставила задуматься даже его.

– Пока гладишь – мил да хорош, не поладишь – костей не соберешь, – рассмеялся Охотник.

Повелитель кладбищ в ответ свирепо сплюнул, в раздражении швырнул топор на землю и, резко развернувшись, ушел в темноту. Было слышно, как с грохотом разлетелись несколько памятников.

Дагни разочарованно покачала головой. Расмус кратковременную стычку проигнорировал. Лённарт допил остывающий глег. Собаки вновь расположились у ног хозяина.

– Где такие водятся? – неожиданно для себя спросил Изгой, и Охотник впервые посмотрел на него.

Серые бесстрастные глаза напугали Лённарта. А ведь он никогда не считал себя трусом и не поверил бы, что не сможет выдержать взгляд человека. Впрочем, Охотник человеком не был. Сейчас на гостя смотрела сама смерть, и ее узкие, не больше игольного ушка, зрачки парализовали его. Заставили почувствовать запах сырой земли, услышать неспешное копошение червей, понять, что еще несколько мгновений, и он больше никогда не увидит солнце.

Наваждение накатило и исчезло. Лённарт осторожно перевел дух. Охотник отвел взгляд, улыбнулся, а затем нараспев продекламировал:

Я подарю тебе чудесную собаку, во Тьме которую добыл.
Огромен пес, да так, что с человеком сравниться может...
И более скажу – как человек умен: залает на врага, иль распознает
друга,
Недобрый взгляд прочтет, что хитро отведен,
И, даже на мгновение не смутясь, он за тебя и жизнь свою
положит.⁶

Посчитав, что вполне ответил на вопрос, Охотник замолчал. Дагни, не гнушаясь ролью хозяйки очага, принесла Изгою третью кружку. Он взял, но решил больше не пить. В голове начинало шуметь. Напиток оказался гораздо крепче, чем можно было предположить.

– Эти звери – духи зимы, – решил пояснить Расмус. – Во всяком случае, прими такой ответ. Он самый простой и понятный из всего, что я могу тебе предложить. Наелся? Согрелся?

– Да. Благодарю.

Ему действительно стало лучше. Мышцы больше не наливались свинцовой тяжестью, его укутало приятное тепло, в голове хоть и шумело, но лишь от выпитого.

– Вижу, у тебя есть еще вопросы. Не стесняйся. Я отвечу на них, прежде чем задать свои, раз уж Юрвьюдер оказалась столь любезна, что тебя привела.

Желтоглазая собака протяжно зевнула. Из мрака выступила туша Орвара. Поостывший толстяк, ни с кем не разговаривая, тяжело отдуваясь, уселся обратно, на кипу шкур, злобно зыркнул из-под насупленных бровей и, выудив из воздуха целую бычью ногу, начал неторопливо ее объедать. Мясо он запивал какой-то дрянью, после каждого глотка показательно морщась, словно ел кислые яблоки.

⁶ Старая скандинавская песня.

– Тот... человек, – Лённарт покосился на задумчивого мечника, который все так же, не отрываясь, смотрел в пламя, и по его неподвижной фигуре можно было подумать, что он задремал. – Кто он?

– А... – понимающе усмехнулся Расмус. – Он такой же чужак, как и ты.

– Приблудный гость! – выразил свое мнение Орвар, разговаривая с набитым ртом.

– Понимаешь ли... – Чернобородый нагнулся поближе к уху Изгой и заговорщицки зашептал: – Он, в отличие от нас, из плоти и крови. Но у него большая проблема, парень. Гораздо более серьезная, чем та, что заставила тебя заглянуть на наши поздние посиделки. Он бессмертный.

– Разве это плохо? – удивился Лённарт.

– Для людей – да. Мы... хм... сущности, спокойно переносим вечную жизнь. А вот вы уже на третьем-четвертом веку теряете голову. То вам становится скучно, то начинаете страдать по любому пустяку, из-за любой смерти.

– Хлюпики, – безжалостно прокомментировал Орвар.

– Бессмертие, которое тебе кажется даром богов, на самом деле кара. Все зависит от того, сколько ты с ним прожил. Чем дальше, тем тошнее. Ингольф! – Он повысил голос. – Сколько лет ты приходишь к костру?

– Не помню, господин, – глухо ответил человек. – Долго.

– Веков семь. Или восемь, – сказал Орвар. – Каждый Отиг он здесь. Еще ни одного не пропустил. Когда тебе надоест его терпеть, Расмус?

– Ингольф не может умереть, – продолжил чернобородый, проигнорировав вопрос Большого Брюха. – И ты даже представить не можешь, человеке, как ему надоело жить. О! Что он только не делал. Но самоубийством тут не поможешь. История, которая с ним произошла, на мой взгляд, очень поучительна. Он нарушил контракт. Вроде того, как ты сейчас нарушил свой. Поэтому какая-то добрая душа прокляла Ингольфа за его обман.

– Теперь он может найти смерть лишь в поединке. – Дагни накрыла Сив шерстяным пледом и вернулась на прежнее место.

– Не вижу с этим особых проблем, – недоуменно сказал Лённарт. – За восемьсот лет можно ввязаться в драку, из которой тебя вынесут вперед ногами.

– Это достаточно трудно сделать, особенно если Охотник стоит у тебя за спиной, – усмехнулся Расмус.

– То есть *вы* не даёте ему умереть?

– Совершенно верно, – кивнула Дагни. – Его время еще не пришло. За все приходится отдать свою цену. Он пока не готов платить. А готов ли ты?

– Не понимаю.

– Какую цену ты готов заплатить, чтобы завершить дело, мальчик? – Ее темно-зеленые глаза смотрели серьезно.

– Вы и об этом знаете, – невесело улыбнулся Лённарт. – Видели его?

– Его? – соорудил задумчивое лицо Расмус. – Да. Пожалуй, что видели. Он ушел за полчаса до того, как появился ты.

Изгой не ответил. Ждал продолжения.

– Ты человек не робкого десятка, Лённарт. Не испугался связаться с магом.

– Волшебники-нигири редко выходят из своей страны. Я не рассчитывал на такую встречу.

– Да какой волшебник?! – Орвар с презрением выбросил кость в костер. – Недоучка. Делов-то! На одну ладонь положить, другой прихлопнуть. Ничего он не умеет! Единственный фокус использовал, и то неудачно.

– До Мышиных гор недалеко, но ты еще можешь успеть, – сказала Дагни. – Догнать беглеца возможно.

– И вы хотите мне помочь?

Охотник потянулся, лег, положив голову на спину Фирну, произнес:

– Если *ты* желаешь завершить дело, за которое взялся, я могу предоставить тебе такую возможность.

– Зачем вам это надо?

– Я могу задать тот же вопрос. – Громила Орвар презрительно выпятил нижнюю губу. – Зачем это надо тебе? Ты что, и вправду дурак, раз решил затеять гонки во время Отига? Когда такие, как ты, лишь помеха на нашем пути. Что заставило твою задницу оставить дом, очаг, жратву, баб, тупые басенки и пуститься в дорогу?

– Я покажу, если тебе это интересно, брат, – сказала Дагни, легонько хлопая в ладоши. Воздух замерцал...

Корчма в Гунсе оказалась казенной, и это полностью устраивало Лённарта, экономившего скудное содержимое своего кошелька. Несмотря на то что охотник был вольной пташкой, добрый приятель из магистрата Строгмунда справил ему надлежащую бумагу, благодаря которой, когда монеты заканчивались, Изгой быстренько «переходил» на службу к королю и, пока не появлялись деньжата, пользовался щедростью его величества. Впрочем, на этот раз слово «щедрость» было явным преувеличением.

Гунс – маленький городишко, один из последних на тракте короля Густава, и ожидать от корчмы чего-то особенного, из ряда вон выходящего не приходилось. Маленькая, тесная, темная, плохо отапливаемая. С отвратительно вымытыми полами и столами, изрезанными ножами посетителей, она вряд ли кого-то могла к себе расположить. Особенно если остановиться на ночевку и поближе познакомиться с армией клопов, населяющих здешние матрасы.

Когда надо, Лённарт мог быть неприхотливым, но насекомые умудрились достать даже его. В итоге Изгой, выбравшись из клетушки, перешел в зал и, бросив плащ поближе к очагу, дотянул остаток ночи. Разумеется, когда наступило утро, он не преминул высказать хозяину заведения все, что думает о его домашних питомцах.

Теперь, невыспавшийся, а оттого мрачный и не слишком склонный к общению, он сидел на грубой шершавой лавке и без всякого аппетита ел стремительно остывающий пивной суп. Дверь со скрипом распахнулась, и вместе с холодом в зал вошел корчмарь с сыновьями. Они сгрузили в углу несколько вязанок хвороста. Лённарт придирчиво изучил плавающие в супе лук и яйцо, деревянной ложкой отогнал к краю тарелки имбирь и, откусив от большого, но, увы, уже успевшего немного зачерстветь ломтя хлеба, продолжил трапезу.

– Вы останетесь на время Отига, господин? Огонь будет гореть всю ночь.

– Нет, – не поднимая глаз, ответил Лённарт. – Иначе твои клопы выпьют из меня оставшуюся кровь к обеду.

Корчмарь скривил физиономию, но оставил комментарии при себе и занялся более важными делами. Изгой тем временем расправился с завтраком и попросил подбросить хвороста в огонь. Холодало.

Дверь на улицу вновь распахнулась. В корчму вошел высокий худой человек. У него было грубое, обветренное лицо, густые седые усы и большой утиный нос. Встретившись взглядом с Лённартом, он приветливо кивнул, оббил снег с сапог и, сняв бобровую шубу и шапку, небрежно кинул их на ближайшую лавку. Цепкий глаз охотника за головами сразу приметил пояс незнакомца. Из лосиной кожи, с потемневшей от времени серебряной пряжкой и выбитой на ней королевской короной.

В гости пожаловал староста Гунса. Он переглянулся с корчмарем, подтащил свободную лавку к столу Лённарта и сел напротив него, даже не соизволив спросить разрешения. Изгой дернул бровью, но решил промолчать и посмотреть, что будет дальше.

Хозяин заведения поставил между ними две кружки с пенистым пшеничным пивом, не чета тому, из которого был приготовлен суп, и две тарелки пышущей жаром гречневой каши с сельдью.

– Вам бы почаще здесь появляться, – хмыкнул Лённарт, не спеша прикасаться к угощению. – Стряпня улучшается на глазах.

Староста вежливо улыбнулся, и вокруг его серых глаз разбежались веселые морщинки. Он достал трубку с длинным мундштуком, сделанную из дорогого, редкого в этих местах бриара. Вопросительно посмотрел на собеседника, дождался кивка-разрешения и извлек из внутреннего кармана жилета кисет. Тот был не дешевым, хорошо сделанным, украшенным золотым тиснением. Старинная, памятная вещь.

Пока глава Гунса набивал трубку табаком, Лённарт налег на кашу и пиво. Староста прикурив от протянутого расторопным хозяином корчмы огонька, выпустил в воздух клуб едкого сизого дыма и прищурился.

– Меня зовут Халле. Как вы уже, наверное, поняли, город находится в моем ведении. Не буду ходить вокруг да около. Мне нужна ваша помощь. – Он помолчал и добавил: – И мне, и Гунсу, и всем его жителям.

– Даже не подозревал, сколь важная я персона.

– Не скромничайте.

– Мы знакомы?

– Нет. Но разве это что-то меняет? Вы Лённарт из Гренграса. Лённарт Изгой. Охотник за головами. Слава бежит впереди вас.

– А слухи о моем появлении, как видно, распространяются еще быстрее.

– Что вы хотите от маленького городка? – Халле небрежно пожал плечами. – Здесь живут исключительно слухами. У вас репутация серьезного и честного человека. Мы готовы хорошо заплатить.

– За что?

– Сегодня утром произошла кража. Грабитель сбежал, прихватив с собой похищенное. Я бы хотел, чтобы вы нашли преступника, наказали и вернули пропажу ее владельцу.

Лённарт отставил наполовину опустевшую кружку.

– Это задание не выглядит слишком сложным.

– Вор из народа Мышиных гор.

Изгой в ответ лишь дернул бровью, но староста поспешил продолжить:

– Наши люди уже бросились в погоню. Однако их немного. Да и не обучены они брать след и подолгу преследовать преступников. А вы человек умелый.

– Прошло уже несколько часов. Он, если не дурак, убегает на козле, а не пешком. Ведь так?

– Так, – нехотя признался Халле.

– Несмотря на небольшой рост, эти твари быстрые, проворные и легконогие. Не каждый конь за ними угонится. Думаю, вам придется забыть об украденном.

– Это дело принципа, господин Лённарт.

– Вашего принципа. Не моего. Когда он доберется до границы, люди окажутся бессильны. Нам нет входа в Мышиные горы. А он будет как у богов за пазухой, пускай те и спят последнюю тысячу лет. Благодарю покорно, но мне неинтересна погоня, в которой нет никакой возможности выиграть.

– Город хорошо заплатит.

– И что с того? – Охотник за головами и ухом не повел. – Отиг на носу. Мертвецам деньги не нужны.

– До Отига еще два с лишним дня. Уверен, если вы поторопитесь, то догоните ворюгу еще до Хуснеса, куда, как я слышал, вы и так направляетесь. Согласитесь, двадцать эре серебра – хорошая сумма за плевую работу.

– Если бы работа была плевой, вряд ли бы вы ко мне обратились. Нет-нет! – Он вскинул руки. – Я не набиваю себе цену. Просто в преддверии Отига деньги мало что для меня значат. Не в этот раз. Спасибо за еду. Мне пора в дорогу.

Халле задумчиво выпустил колечко дыма, искоса наблюдая, как Лённарт забирает плащ.

– И вы вот так просто уйдете?

– А есть тот, кто меня остановит? – сухо бросил Изгой.

– Послушайте! Я заплачу сорок эре серебром. Сорок. Потому что это нелюдь. Тварь, осмелившаяся нарушить наши законы.

Изгой усмехнулся:

– Печально, конечно, но этого мало для того, чтобы я носился по морозу перед праздником. У меня свои дела. С вором вам придется справляться собственными силами, господин староста. Кстати, что такого ценного он украл?

– Ребенка.

Лённарт нахмурился. Иногда народ Мышиных гор воровал человеческих детей. Это происходило крайне редко, Изгой помнил лишь два подобных случая, и оба они были очень давно. Похищенные обладали редкой среди людей предрасположенностью к магии. К настоящей магии, а не тем балаганным фокусам, которыми обычно хвастаются местные чародеи.

– У него был дар?

– Насколько я знаю – нет, – неохотно ответил Халле.

– Хм... Нигири не ссорятся с нами из-за пустяков. Зачем одному из них надо было идти столь далеко, чтобы заполучить обычного младенца? Хуснес, Федхе и еще с десяток деревень гораздо ближе к его стране, чем ваш город. Что не так с этим ребенком? Чей он?

– Управляющего королевской труппой.

Лённарт снизошел до того, чтобы едва слышно присвистнуть.

– Вот именно, – кивнул староста. – Актеры, к которым благоволит его величество, по его приказу приехали на север, чтобы дать в наших городах несколько представлений. Развлечь подданных перед праздником. Они уже собирались возвращаться обратно в Строгмунд, когда это произошло. Владелец театра – уважаемый и влиятельный человек. Вот почему город обратился к вам и готов заплатить серьезные деньги. Мы не хотим, чтобы король прогневался, а о Гунсе пошла дурная слава.

Изгой задумчиво постучал пальцами по столешнице.

– Подумайте. Похититель с каждой минутой удаляется от нас все дальше и дальше. Так что? Беретесь?

Лённарт неохотно кивнул.

...Морок потускнел и исчез.

Орвар рыгнул:

– Чем лично тебе досадил этот нигири? Мне просто интересно.

– Не люблю тех, кто крадет детей, – хмуро отозвался Лённарт.

Дагни сузила глаза. Охотник фыркнул и, не веря ушам, покачал головой. Орвар заржал во весь голос:

– Однако! Этот малый начинает мне нравиться! Вы слышали, а?!

– Мы слышали... не буди Сив, – попросил Расмус. – Ты испытываешь ненависть к народу Мышиных гор, Лённарт?

– Нет. – Он удивился вопросу. – Если бы похитителем был человек, я бы преследовал его точно так же, как нигири.

– И что будет, если поймашь? – жадно прогудел Орвар. – Убьешь?

– Если не получится привести назад, к правосудию, то да – убью.

Обжора довольно хрюкнул:

– Я и мои друзья готовы предоставить тебе возможность догнать его.

– Как?

– Мы продадим тебе коня. Без него ты никогда не догонишь нигири.

– Я не вижу поблизости никаких лошадей.

– Ты слишком торопишься, мальчик, – пожурив его Дагни, огорченно цокнув языком. –

Нет сделки, нет и лошади. Готов купить?

– Мне кажется, что вас не слишком интересуют деньги.

– Нет. Нас интересует твой меч.

– Что?! – вскричал Лённарт.

– Заметь, – спокойно продолжила женщина, – только меч. Нож можешь оставить при себе. Согласись, клинок за коня – не слишком высокая цена. Мы не требуем от тебя невозможного. Это не рука, не жизнь и даже не... душа.

– Не в моем случае, – глухо сказал Изгой. – Оружие мне понадобится.

– Это не так, – возразил Охотник. – Если беглец пересечет границу и уйдет в горы, твой тесак будет совершенно бесполезен.

Лённарт неприятно сжал губы. Без клинка в этих местах выжить тяжело. Но если он откажется, вернуть ребенка будет невозможно, тот навсегда останется с народом Мышиных гор. Среди застывших водопадов, ледяного безмолвия и свинцового неба.

– А что купил у вас нигири?

– Соображает, – одобрительно осклабился Орвар.

– Я не скажу, что он приобрел, прежде чем ушел. – Расмус взял из рук Изгоя остывшую кружку, залпом выпил, смял ее, словно металл был бумагой, и швырнул в костер. – Но покажу то, чем он заплатил нам.

Углежог сунул руку за пазуху и на раскрытой ладони протянул Лённарту шарик – совсем небольшой, бирюзовый, с серебристыми искорками.

– Интересная безделушка, – безразлично заметил Изгой. – Не думал, что вас интересуют стекляшки.

– Открой глаза, человеке! – возмутился Орвар.

– Он не может видеть, брат, – урезонила его Дагни. – Нигири заплатил нам остатками своей волшебной силы.

Почему-то Лённарт сразу ей поверил. Расмус между тем убрал шарик и хитро подмигнул:

– Как видишь, он дал нам гораздо более серьезную плату, чем мы просим от тебя. Отсутствие волшебства у нигири, на мой взгляд, вполне оправдывает потерю меча.

– Если знать, что вы ему продали.

– Тебе придется рискнуть.

Изгой помолчал, чувствуя на себе взгляды всех окружающих.

– Хорошо, – наконец кивнул он.

– Прекрасно! – обрадовался Расмус, протягивая руку.

Изгой неохотно отстегнул меч, отдал его бородачу, и тот небрежно бросил оружие себе под ноги.

– Выбирай. – Он, не глядя, махнул в сторону, и Лённарт, повернувшись, обомлел.

Из мрака неспешно выступили четыре тени. В одной из них Изгой узнал Свего – своего коня.

– Они... – Охотник сглотнул. – Не кажутся живыми.

– Не волнуйся, – улыбнулась Дагни. – Ты не заметишь ровным счетом никакой разницы между живым и мертвым.

– Тогда Свего.

– Ну вот и решили, – одобрительно кивнул Расмус. – С рассветом можешь отправляться. А теперь тебе надо поспать.

И Лённарт из Гренграса, не успев ничего возразить, провалился в забытье.

Изгой не понимал, спит он или бодрствует. Все казалось очень явственным, реальным и в то же время слишком кошмарным для того, чтобы быть настоящим. Звезды, одна за другой, скатывались с небесного свода и, оставляя за собой широкие золотистые полосы, с шипением падали куда-то за горизонт. Из-за деревьев поднималось зарево. Пламя костра ревело, словно вырвавшийся из бездны огненный дух.

В лесу заиграл рожок. К нему спустя несколько мгновений робко присоединилась волынка. Затем вплела свое «я» арфа Клеверного острова. Застучала колотушка по бубну... Музыка, веселая и стремительная, пронеслась над заснеженным погостом, бросилась прочь, но, запутавшись в голых ветвях старых осин, осталась.

Земля легко вздрогнула. Где-то лопнула могильная плита. За ней другая. Кто-то со злым шипением царапал мешавшую ему выбраться на волю преграду. Лённарт сидел ни жив ни мертв. Он слышал, как во мраке ходят, как стучат костями и радуются свободе, наблюдая за бесконечным падением звезд.

Теперь огонь лизал не дрова, а груды человеческих останков. Пламя горело мертвенным бледно-голубым светом, и все, что окружало Изгоя, внезапно изменилось.

Вокруг больше не было лесной чащи. Охотник находился на вершине огромного заснеженного пика с острым гребнем. Одинокая гора довлела над обезумевшим, бесчинствующим, стальным морем, глухо и грозно рокочущим где-то внизу. Деревья превратились в пораженные болезнью, исполинские, тянущиеся к небу высохшие руки, а звезды – в человеческие души. Они – жертвы Отига, и прошлого, и нынешнего, и будущего, – с криками падали в бездну, чтобы больше никогда не подняться и остаться забытыми до скончания веков.

Среди сидевших у костра теперь не было Ингольфа, а остальные стали меняться. Лённарт смотрел на них во все глаза и желал проснуться.

Лицо Орвара, и без того неприятное, огрубело, обросло жесткими складками, глаза ввалились, рот растянулся от уха до уха зубастой щелью. Из плеч и локтей, разрывая засаленную собачью шубу, вытянулись черные шипы. Кость, которую он с аппетитом грыз, оказалась не оленьей, а человеческой.

Невзрачный парень, Проклятый Охотник, стал крепче, мускулистее и выше. Кутаясь в черный балахон, он прятал лицо за берестяной маской. Его собак не было рядом, вместо них на земле свернулся тяжелыми толстыми кольцами серебряный змей с треугольной головой. Три глаза – синий, зеленый и желтый – немигающе уставились на Лённарта.

Сив все так же спала и казалась бледной, прозрачной, призрачной, словно утренний туман, вот-вот готовый отступить перед поднимающимся солнцем. Подле нее расположилась Дагни. Лицо, фигура и одежда прекрасной женщины остались прежними, лишь волосы, брови и ресницы превратились в живое, буйное, непокорное пламя.

Расмус постарел и осунулся. Его нос выдался вперед, брови окончательно срослись, белым мхом нависнув над глазами. Волосы седыми неопрятными патлами выбивались из-под помятой кожаной шляпы, свисая на спину и плечи. Он курил трубку, с прищуром наблюдая за падающими звездами.

Музыка стала оглушительной. Скелеты, взявшись за руки, танцевали безумную пляску вокруг вскрытых могил, гремя костями и сардонически ухмыляясь, а козлоногий пастух играл на свирели, все убыстряя и убыстряя темп. Мир начал дрожать и плавиться. Потом помутнел, потек красками и превратился в серое рубище...

Лённарт из Гренграса по прозвищу Изгой проснулся.

Отиг завершился. Наступало раннее утро. Горизонт едва-едва побледнел, до восхода солнца оставалось меньше часа. Небо затянули низкие лохматые облака. Шел слабый снег, и стояло полное безветрие.

Было так тихо, что охотник слышал, как медленно и неохотно стучит его сердце.

Он лежал на снегу, завернувшись в плащ, и, к своему удивлению, понял, что находится на поляне, окруженной молчаливыми елями, где-то на границе Йостерлена. Никакого забытого богами кладбища, развороченных могил, старых осин, разбросанных костей и погасшего кострища. Вокруг лежало ровное, никем не тронутое снежное полотно.

Лённарт сел. Поморщился – голова после сна все еще была тяжелой. Не удержался, достав флягу, сделал глоток. Скривился. Вкус показался ему отвратительным.

Изгой не страдал наивностью и не собирался убеждать себя, что случившееся «всего лишь ему привиделось».

Не привиделось.

Он был уверен в этом. К тому же охотник не обнаружил меча. Ни на поясе, ни поблизости от себя. Коня, правда, тоже не было видно. Впрочем, Лённ радовался уже тому, что пережил Отиг. Не многие могли похвастаться таким достижением.

Неожиданно за стеной деревьев тихо всхрапнули. Лённарт недоверчиво обернулся. На поляну вышел Свего и, остановившись рядом с хозяином, нетерпеливо фыркнул, выпустив из ноздрей целое облако горячего пара. Мужчина поколебался, но все-таки положил руку на шею коня. Она оказалась теплой, а жеребец – живым. На его шкуре не наблюдалось ни язв, ни черной плесени. Расмус Углежог вернул Изгою то, что обещал.

Охотник увидел, как на снегу, один за другим, появляются следы раздвоенных копыт, словно кто-то только что снял с его глаз пелену морока. Судя по скорости падающих снежинок и еще не исчезнувшим отпечаткам, козел проскакал здесь не больше трех-четырех часов назад.

И тут Расмус не обманул Лённарта. У охотника за головами оставался прекрасный шанс догнать похитителя, прежде чем тот пересечет невидимую границу и скроется в горах.

Больше не мешкая, Изгой прикрепил короткие лыжи к седельной сумке, потуже затянул ремешки и, оказавшись в седле, бросился в погоню, уже будучи уверенным, что сегодня она наконец-то завершится.

Йостерлен кончился, могучие ели остались позади, и Лённарт спустился в заросшую березами низину, продвигаясь вдоль едва угадываемого, скованного стужей речного русла. Места были незнакомые, но он держался следов. Козел нутром чувствовал скрытую под снегом тропу, поэтому Изгой, двигавшийся по уже проторенной дорожке, ни о чем не беспокоился. Разумеется, о галопе он даже не думал – берег лошадиные ноги, но скорость продвижения его не тревожила. Преследователь знал, что движется быстрее лишнего магии нигири.

Судя по все тем же следам, винторогий с каждой минутой терял силы. Он едва плелся, а не скакал, взлетая над снегом, и вряд ли мог продержаться достаточно долго.

Тусклое, бледно-серое ледяное солнце неохотно, словно по принуждению, выползло из-за горизонта и не спеша, едва заметными шажками стало забираться на небо. Начались пустоши Рьякванда – граничащая с Мышиными горами холмистая область. Холмы – невысокие, покатые, расположенные далеко друг от друга, – заросли хлипкими, почти невидимыми из-за снега вересковыми кустами. Тропа проходила далеко от склонов, петляя меж базальтовых каменных наносов, оставшихся здесь еще со времен прихода древних ледников.

Миновал еще час. Но, несмотря на сложную дорогу, конь оставался бодрым и полным сил, словно его напоили водой из мифического источника Жизни.

...Охотник нашел тарвагского козла за очередной базальтовой грядой. Черный зверь с острыми, закрученными в спираль рогами, большой, косматый, едко пахнущий мускусом, лежал на земле. Снег уже припорошил лохматую шерсть, круглые темные глаза остекленели. Нигири загнал животное до смерти.

От трупa на север уходила цепочка следов. Судя по их размеру и расстоянию между ними, беглец оказался невысокого роста. Ступал он тяжело, глубоко проваливаясь в снег, как видно стесненный своей ношей.

Холмы сгладились, превращаясь в заваленную камнями равнину с застывшими блюдцами многочисленных озер. На горизонте показались молочные пирамиды Мышиных гор. Изгой, привстав на стременах, прищурился. Несмотря на тусклое солнце, снег все равно слепил глаза, и темную точку на белом полотне он увидел не сразу.

Зловеще усмехнулся, чмокнул губами, заставляя Свего мчаться вперед, но тот неожиданно уперся. Нахмурившись, Лённарт прикрикнул на него, ударил пятками, однако конь лишь укоризненно всхрапнул, не желая двигаться дальше.

Внезапный порыв ветра закрутил снег, спиралью поднял его в воздух, и Изгой увидел, что путь ему преграждает высокий мужчина. Широкоплечий, остроносый, рыжеволосый и сероглазый. Лённ никогда не видел его лица, но узнал одежду и меч в опущенной руке.

Ингольф – человек, которому не дают умереть.

Теперь стало понятно, за что нигири заплатил Расмусу. Можно не надеяться, что вставший на тропе боец так просто позволит пройти мимо себя. И, как назло, у Лённарта теперь нет меча, а конь стал совершенно бесполезен. Понимая, что случится дальше, охотник спрыгнул на землю.

Глядя в неприятные, бесстрастные глаза, он снял варежки и, оставшись в перчатках, взял в правую руку длинный нож, а в левую, расстегнув застежку, тяжелый плащ. Это хоть немного уравнивало его шансы.

Лённарт не раз и не два принимал участие в кабацких драках и схватках в узких переулках Строгмунда, где нож был предпочтительнее меча, но сейчас ситуация сложилась совсем иная, поэтому он не собирался вести честный бой.

Изгой шагнул вперед, но в последний момент прыгнул в сторону, разминувшись с двумя локтями синеватой стали, которой Ингольф, не мудрствуя, ударил противника в живот. Охотник за головами оказался сбоку от начавшегося разворачиваться воина и дважды быстро ткнул ножом, метя в печень. Тут же проворно отпрыгнул назад, избежав рубящего удара снизу вверх.

На клинке Лённарта осталась кровь, но Ингольф не почувствовал ранения. На одно краткое мгновение Изгой показалось, что за спиной мечника мелькнул полупрозрачный силуэт в берестяной маске.

Бессмертному не давали умереть. Даже в поединке.

Лённарт затравленно зарычал. Он начал отступать перед рассекающим воздух клинком, все дальше и дальше отходя от коня, пока по колено не провалился в снег. Двигаться сразу стало тяжелее, впрочем, и врагу было не проще. Трижды Лённарту удавалось отбить меч, один раз он попытался набросить на голову Ингольфа плащ, но тот с легкостью уклонился.

Бессмертный молчал, на его холодном, каменном лице не проявлялось никаких эмоций. С грехом пополам, уже порядком запыхавшись, охотнику удалось выбраться на тропу. Он вертелся व्यоном, каждый раз оказываясь на секунду быстрее, парировал ножом и, наконец, вновь перешел в атаку.

Тяжелый плащ змеей обвил ноги врага, Лённарт дернул его на себя, заставляя потерять равновесие, тут же оказался рядом, перехватив руку с мечом. Пырнул в подмышку, затем под грудину, провернул нож, навалился всем весом, рухнул сверху, подмяв под себя.

Ингольф не удержал клинок, тот выпал у него из руки, и оба мужчины покатались по снегу. Лённарт, не переставая, бил ножом, но, несмотря на обилие крови, текущей из ран соперника, тот не собирался умирать. Незримый Охотник крепко держал свою жертву.

Наконец Изгой пропустил сильный удар кулака, задохнулся, ослабил хватку и оказался сброшен на землю. Что-то твердое садануло его теперь в челюсть. В глазах Лённа потемнело, мокрый от крови нож выскользнул из пальцев. Он пытался нашарить клинок в снегу, и к тому времени, как пальцы сомкнулись на деревянной рукояти, Ингольф успел сходить за обороненным оружием. Теперь воин возвращался назад с твердым намерением завершить дело.

В этот момент Изгой увидел, как человек в берестяной маске, словно дождавшись чего-то, внезапно отступил от бессмертного и исчез. Ингольф вздрогнул, недоверчиво обернулся через плечо и в тот же миг рассыпался черным пеплом. Ветер подхватил его, закружил и развеял по снежной равнине.

Торопиться было некуда. Бессмертный искупил вину и освободился от проклятия, а значит, нигири достиг своей цели. Лённарт из Гренграса тяжело встал с колен и облизал разбитые губы. Он проиграл, но не чувствовал злости от того, что не убил беглеца. Лишь сожаление, что так и не удалось спасти ребенка.

Убрав нож, он поднял плащ, отряхнул его от снега, набросил на плечи. Спрятал в седельную сумку пропитавшиеся кровью перчатки, надел варежки. Оказавшись в седле, Изгой в последний раз посмотрел на север – туда, где начинались Мышиные горы, – и недоуменно нахмурился.

Темная точка на белом полотне не слишком продвинулась к спасительной границе. С замершим сердцем охотник послал коня вперед, с шага заставив перейти на рысь и рискуя сломать животному ноги. Ему казалось, что горы приближаются ужасающе медленно, словно издеваясь над ним, и не спускал глаз с неторопливо разрастающегося черного изъяна в белизне снега. Нигири не двигался.

Душераздирающий и бесконечный крик младенца Лённарт услышал задолго до того, как добрался до цели. Шагов за двадцать до лежащего на снегу тела он остановил коня, спрыгнул в снег, на ходу доставая нож. Ребенок орал не переставая. Нигири не шевелился.

Изгой присел на корточки, покосился на кричащий сверток и, не спеша прятать оружие, убрал опушку капюшона, скрывающую лицо беглеца.

Похитителем оказалась женщина.

Черный узор татуировки на лбу и впалых щеках совершенно не портил ее застывшее, спокойное лицо. Глаза оказались закрыты, словно она спала. Обнаженной ладонью он осторожно прикоснулся к пушистой щеке одной из народа Мышиных гор – та была еще теплой. Изгою все-таки удалось расправиться с вором, за два дня бесконечной погони загнав того до смерти. Но отчего-то он был не рад, что победил в этой изматывающей гонке.

Закрыв мертвое лицо, он неумело взял горластый меховой сверток. Покачал в руках. К его удивлению, наступила тишина. А затем раздалось довольное щебечущее чириканье.

Сердце стукнуло и провалилось в ледяную бездну.

Стараясь унять дрожь в пальцах, Лённарт развернул первый слой многочисленных одеял младенца и увидел беличьи ушки с пушистыми венчиками кисточек и синие, точно тысячулетний лед Грейсварангена, глаза. У него не было сил даже на то, чтобы выругаться.

Староста Гунса не врал. Но и всей правды не сказал.

Вор действительно украл ребенка, но *своего* ребенка. И теперь уже неважно, каким образом эта кроха попала в руки к людям, в королевский зверинец. Ничего нельзя исправить, даже если он возвратится в Гунс и выбьет из тех, кто его нанял, истину.

Возможно, он сделает это. Потом. Если получится вернуться.

А сейчас должен как-то исправить ошибку.

Лённарт из Гренграса, по прозвищу Изгой, взобрался в седло и, осторожно удерживая затихший сверток обеими руками, направился в сторону Мышиных гор.

Елена Бычкова, Наталья Турчанинова

Праздник духов

– Я думаю, скоро никакие заклинатели потусторонних существ никому будут не нужны, – лениво растягивая слова, говорил Казуми, развалившись на циновке и помахивая курительной палочкой. – Я слышал, будто уже изобрели машины, которые излучают специальные волны. Включишь ее, и все духи, которые окажутся вокруг, сами развеются.

– Прямо-таки все? – скептически осведомился Рекар, полирующий новый меч до невероятного блеска.

– Абсолютно, – заверил его Казуми, аккуратно расправляя складки на своей золотистой праздничной накидке, расшитой малиновыми цветами.

– Да ты что?! – заволновался легковверный Гризли, и его круглая физиономия исказилась неподдельным волнением. – Как это? И что же с нами тогда будет? Кому мы нужны станем? Зачем столько лет учились?!

Рэй, лежащий на спине, вполуха прислушивался к дурацкому разговору и наблюдал, как лениво колышутся длинные листочки бамбука, растущего в углу зала для тренировок. Вечерний ветерок, залетающий из сада, приносил с собой запах свежей листвы, цветов яблони и ароматного, горящего воска. С самого утра все жители Варры жгли разноцветные свечи, чтобы умиловить духов, собирающихся прийти на землю следующим днем.

Сагюнаро, читавший книгу, возразил, не поднимая взгляда от страниц:

– Чушь. Я бы не верил этим сплетням, Гризли. Ни одна машина не в состоянии изгонять духов так, как это делаем мы.

Он единственный из всех не боялся демонстрировать свое отрицательное отношение к Казуми. «Но я бы на его месте не стал этого делать, – рассеянно подумал Рэй, взглянув на третьего ученика магистра, вырядившегося по случаю приближающегося окончания обучения в золотые одежды. – Этот злобный хоре́к никогда не забывает не только обиды, но даже простого несогласия с ним».

– Напрасно ты так говоришь, мой друг, – сладким голосом произнес Казуми, и в его темных глазах блеснула мгновенная опасная искорка. Но Сагюнаро, склонный витать в облаках, естественно, этого не заметил. – Зачем людям платить деньги нам, если можно купить машинку, держать ее дома и включать, как только появится опасность. И так развелось слишком много шарлатанов, выдающих себя за настоящих заклинателей.

– Кстати о шарлатанах, – сказал Рекар, любясь сверкающим оружием. – Видел я недавно двух таких дураков – пытались прогнать кури, забравшегося в свинарник на окраине.

– И что с ними стало? – спросил Казуми, заранее ухмыляясь.

– Вышиб он их оттуда. Со свистом. На другую сторону огорода улетели. Хорошо, что на части не разорвал, – хмуро отозвался Рекар.

Он был самым старшим из учеников магистра и самым опытным. Высокий, широкоплечий, мрачный, по мнению людей, именно так и должен выглядеть настоящий повелитель духов. Этот заклинатель уже начал выполнять небольшие заказы. Так, ничего особенного – отвадить обаками от посевов или отпугнуть похитителя снов от колыбели ребенка. Учитель не возражал против такой самостоятельности, но и не хвалил. Видимо считая, что, пока тот не закончил обучение полностью, все его успехи можно считать лишь случайными удачами.

– А ты что думаешь? – Гризли подобрался поближе к Рэю и довольно чувствительно толкнул его в бок.

– На мой век духов хватит, – беспечно отозвался тот.

Сагюнаро внезапно захлопнул книгу и повернулся к входу. Как всегда, раньше всех почувствовал приближение учителя.

Первым в зал торопливо вошел Канринин – шестой из воспитанников господина Хейона – и сказал:

– Уже идет.

Быстро занял свое место, и остальные ученики тут же поспешили последовать его примеру. В зале стало тихо, только было слышно, как журчит вода во дворе, переливаясь из одной чаши каменного ручейка в другую. Неуверенно квакнула лягушка, но тут же замолчала, словно подавившись чем-то. Снова зашелестел ветер в листьях бамбука.

Рэй обвел взглядом друзей, и ему показалось, что он видит их впервые. Впрочем, находящихся здесь было сложно назвать настоящими друзьями. Будущих магов не учили дружить. Господин Хейон говорил, что заклинатели – одиночки. Каждый должен отвечать сам за себя и надеяться тоже только на себя. Никогда не ждать помощи, ни от кого.

Гризли сидел впереди справа, и, глядя на его круглый лоснящийся затылок, Рэй подумал о том, как вообще этот бугай мог оказаться среди заклинателей. Все нехитрые желания были написаны у него на лице – поспать, поесть, сходить в веселый дом на улице Унми, где магов охотно обслуживали бесплатно.

Сагюнаро все еще склонял голову над книгой, неторопливо перелистывая страницы. Он напоминал Рэю самого господина Хейона – такой же тонкий и обманчиво хрупкий. Но неспроста имя этого молодого мага означало «Прощание». Потому что духи, которых он изгонял, могли успеть лишь попрощаться, едва увидев его.

Канринин быстро обернулся, взглянул на Рэя, ухмыльнулся и снова замер. Несмотря на любовь к глупым розыгрышам и дурацким шуткам, он был очень сильным магом. Слишком самоуверенным, правда. Все ждали, когда самомнение подведет его, но этому невысокому, подвижному парню с хитрой физиономией, вечно спутанными волосами и раскосыми глазами невероятно везло, он умел выкручиваться из самых невероятных переделок. Только чистое везение могло помочь ему справиться с манмо практически без подготовки. Правда, предвзвешенно тот уже был оглушен заклинанием учителя, но все же этот демон продолжал оставаться очень опасным...

Наконец терпеливое ожидание закончилось. Послышались тихие шаги, дверь открылась, и появился сам магистр в сером просторном облачении. Каждый раз, видя его, Рэй поражался, как мог этот невысокий, хрупкий человек обладать такой огромной магической силой. Он казался лишенным возраста, ему можно было дать и двадцать пять, и сорок лет.

Учитель встал на небольшое возвышение, обвел взглядом светлых пронзительных глаз учеников, сидящих перед ним, и произнес одну-единственную фразу:

– Ваше обучение закончено.

Тишина в зале сгустилась и, казалось, стала почти материальной. Рэю почудилось, будто он слышит напряженные, недоверчивые мысли товарищей – отражение своих собственных размышлений: «Как окончено?! Но ведь остался еще месяц...»

– Каждый из вас получил от меня все возможные знания. Теперь пришло время проявить себя. Вы должны пройти последнее испытание.

– Какое испытание, мастер? – подал голос Рекар, но вопреки обыкновению не получил выговор за несдержанность.

Господин Хейон выдержал значительную паузу и произнес негромко:

– Вы все знаете, где находится главный храм нашего ордена – в центре Варры, посреди столетних садов. Завтра каждый из вас должен добраться до него на своей колеснице. Тот, кто войдет в его двери до заката солнца, получит почетное звание и наградной свиток.

– Но завтра праздник духов, – растерянно пробормотал Гризли, – никто не должен выходить на улицу, чтобы не беспокоить их.

– Вы заклинатели, если я не ошибаюсь, или хотите себя считать ими, – скептически улыбаясь, ответил учитель. – Ваша работа состоит в том, чтобы беспокоить духов.

Ученики запереглядывались, пытаясь понять, пошутил магистр или говорит серьезно. В зале зазвучало тихое, удивленное бормотание. Лишь Сагюнаро сидел, чуть подавшись вперед, и не сводил взгляда с учителя – похожий на меч, готовый вылететь из ножен.

– Это кошунство, – тихо, но уверенно произнес Рекар, глядя на свои колени, и тут же в зале вновь повисла тягостная тишина. – Мы нарушим закон потустороннего мира. Его сущности не прощают, если кто-либо из живых посмеет находиться среди них.

– Единственный закон, которому вы подчиняетесь, устанавливаете вы сами, – сурово ответил учитель. – Других не существует.

Казуми, сидящий рядом с Рэем, заметно насторожился – в отличие от остальных воспитанников он обладал великолепным чутьем на неприятности, грозящие не только ему, но и окружающим.

– Это безумие. – Рекар, обделенный подобным талантом, не смог вовремя прекратить препирательства, хмуро глядя на учителя. – Любой из нас... мы все можем погибнуть.

– Вы обладаете достаточными знаниями и умениями, для того чтобы выполнить это задание, – сухо произнес магистр, пряча кисти рук в широких рукавах облачения.

– Заткнись, – тихо произнес Рэй, сверля взглядом затылок упрямого спорщика, но тот не реагировал, продолжая возмущаться:

– Я не понимаю, зачем рисковать нашими жизнями столь бессмысленно...

– Наша работа невозможна без риска, – неожиданно мягко ответил учитель, – разве ты забыл об этом?

– Молчи, – сказал Рэй чуть громче, но его снова не желали услышать.

– Я не забыл, – возразил Рекар, повышая голос. – Но я считаю, что каждый риск должен быть оправдан. Глупо жертвовать собой, не соблюдая элементарной осторожности.

Магистр не пошевелился, но всем сидящим в зале показалось, будто их окатило ледяной волной. Даже бамбук зашелестел громче, а потом вдруг замер, словно скованный холодом.

Рэй невольно сжал кулаки, зная, что произойдет дальше. Гризли шумно выдохнул. Физиономия Казуми залоснилась от удовольствия и предвкушения чужой неудачи.

– Вы были правы, когда говорили, что научили меня всему, – продолжил молодой заклинатель. – Я благодарен вам за науку, но я не буду проходить последнее испытание. Я и без него знаю, что достоин своего звания.

– Рекар, – произнес господин Хейон тем самым плавным, мелодичным голосом, от которого цепенели даже черные руйи, – встань.

Тот помедлил, потом поднялся и посмотрел на учителя с высоты своего роста, сверху вниз.

– Ты можешь идти, – продолжил магистр все так же мягко. – И больше не вспоминай дорогу в этот храм.

Рекар огляделся, на мгновение превратившись из уверенного в себе заклинателя в растерянного мальчишку, навсегда покидающего свой дом, но быстро взял себя в руки. Потянулся за мечом, но учитель остановил его движением руки:

– Нет, это оружие тебе больше не понадобится.

Ученик нахмурился, затем пожал плечами и направился к выходу. У двери остановился, окинул хмурым взглядом друзей и сказал:

– Если не хотите погибнуть по собственной глупости, следуйте за мной. Пока еще не поздно.

Рэй заметил, как нервно пошевелился Гризли, но все же остался сидеть на месте. Канринин осуждающе покачал головой. Казуми хмыкнул едва слышно.

– Рекар, ты совершаешь ошибку, – сказал Сагюнаро, и его голос дрогнул.

Но тот лишь презрительно скривился, махнул рукой, пробормотал: «Глупые мальчишки» – и вышел из зала.

– Кто-нибудь еще хочет уйти? – спросил учитель, и его голос зазвучал по-прежнему обманчиво мягко.

Рэй оглядел соседей. Все пятеро сидели неподвижно, и больше никто не показывал желания покинуть зал.

Магистр подождал еще несколько мгновений и кивнул сам себе:

– Хорошо. Вы помните задание. Достичь центрального храма завтра до заката. Я буду ждать там. У любого из вас достаточно умений, таланта и храбрости, чтобы добиться успеха. Я надеюсь, что вы не подведете меня.

Взгляд господина Хейона задержался на каждом по очереди, словно он пытался вложить в учеников свою уверенность в их победе.

– Сейчас вы отправитесь в свои комнаты. Двери будут заперты до утра, чтобы ни у кого не возникло соблазна двинуться в путь раньше времени. Советую вам как следует отдохнуть. До завтра.

– До завтра, учитель, – хором ответили воспитанники.

Магистр развернулся и неторопливо вышел, прикрыв за собой дверь. Несколько секунд после его ухода стояла почтительная тишина, затем Канринин вскочил на ноги плавным кошачьим движением и сказал громко:

– Ну и как вам все это?

– Жаль Рекара, он никогда не умел вовремя остановиться, – с лицемерной печалью произнес Казуми, но его глаза при этом торжествующе блеснули.

«Еще бы ты не радовался, – подумал Рэй, – избавился от конкурента».

– Что за безумие – покинуть храм за несколько дней до окончания обучения, – продолжил тот.

– Может, и не безумие, – ворчливо отозвался Гризли, – может, он поумнее всех нас. Тащиться через весь город до храма... – Он запнулся и выразительно покрутил головой.

– А я думаю, он просто струсил, – сказал Канринин, поднимая меч, оставленный Рекаром, покрутил его над головой и с приглушенным боевым кличем направил клинок на Сагюнаро.

Тот поморщился, отвел лезвие в сторону и ответил:

– Он никогда не был трусом. Просто... – Любимый ученик господина Хейона запнулся, не находя подходящего объяснения.

– Просто он не хотел рисковать своей маленькой грядкой ради настоящего сада. – Рэй поднялся, забрал у Канринина меч и положил на постамент учителя.

– Чего? – Гризли непонимающе уставился на товарища. – Ты не можешь попроще, без этих дурацких аллегорий?

Сагюнаро рассмеялся и объяснил:

– Рэй говорит, что Рекар уже считал себя настоящим магом и не хотел терять свой дар и небольшой заработок. Он не верил, что может получить больше.

Они сами не заметили, как стали говорить о товарище в прошедшем времени. Словно, покинув храм, тот перестал существовать для них.

– Ну так бы и сказал, – буркнул Гризли, ероша короткие серые волосы. – Интересно, а девчонки из южного храма тоже поедут через весь город?

– Нет, будут сидеть и ждать, когда ты их приведешь, – усмехнулся Канринин и добавил неожиданно серьезно, снова усаживаясь на свое место и глядя в заросли бамбука: – Но в чем-то Рекар прав. Действительно, зачем так рисковать жизнью учеников, потратив столько времени и сил на их обучение?

– Ничего странного, – отозвался Казуми, снисходительно поглядывая на товарища. – Нас слишком много. Шесть человек... вернее, уже пять – из нашего храма, шесть – из северного,

четверо – из южного. И это не считая тех, кто окончил обучение в прошлом году. Вряд ли в городе хватит работы на всех.

– Заклинатели нужны не только в Варре, – сказал Рэй, взглянув в отполированную до зеркального блеска поверхность меча и мельком заметив, как начинает меняться его отражение.

Магическое оружие показывало тот облик заклинателя, в котором его видели духи. Серый цвет глаз Рэя становился все более темным – зрачок стремительно расплзался по радужке, брови исчезли, прямые светлые волосы, падающие на лоб, все больше напоминали щетину, торчащую во все стороны. Нос вдруг стал коротким и вздернутым, чем-то похожим на кошачий...

– Я, в отличие от тебя, планирую остаться здесь, а не тащиться в провинцию, – скривился Казуми. – Так вот, обычно магистры берут в ученики одного, максимум двоих. А наш, видимо, решил провести эксперимент. Нашел сразу шестерых, зная, что до конца обучения доживут не все. Так что, думаю, учитель не расстроится, если больше половины из нас погибнут завтра, пока будут добираться до храма. Останутся только самые сильные, талантливые и удачливые.

Он важно говорил что-то еще, но Рэй больше не слушал. Он чуть повернул меч, так, чтобы на гладкой поверхности появилось отражение разглагольствующего Казуми. И высокий, роскошно разодетый городской юноша с аккуратно причесанными пепельными волосами тут же превратился в низкорослого, кривоногого карлика с острой крысиной мордочкой. Существо разевало пасть, топорщило короткие усы и важно помахивало короткими лапками.

Рэй сдавленно фыркнул от смеха и отложил меч.

– Ладно, вы как хотите, а я пошел, – заявил Казуми, не заметивший этих манипуляций. Он поднялся и расправил свою роскошную накидку. – Желаю вам всем пережить завтрашний день.

– И тебе того же, – без особого энтузиазма отозвался Канринин, когда за ним закрылась дверь, и тут же повернулся к остальным. – Надеюсь, что этого хорька сожрут сразу, как только он сунется на улицу. Впрочем, не смею рассчитывать на такой подарок судьбы. Ну, удачи вам всем.

Он кивнул друзьям и удалился, беспечно насвистывая.

Гризли укоризненно покачал головой и тоже побрел к себе, бормоча что-то под нос. Следом за ним вышли Рэй с Сагюнаро.

В коридоре уже загорелись фонари. Их теплый свет лежал ровными кругами на каменном полу и на картинах, висящих на стенах, так что изображенные на холстах великие заклинатели древности казались озаренными золотистым сиянием.

Запах воска стал сильнее и как будто тревожнее. Гризли повел плечами и взглянул на товарищей:

– Слушайте, я тут подумал... – Он огляделся по сторонам и, не увидев никого подозрительного, предложил: – А было бы неплохо завтра держаться всем вместе.

Сагюнаро посмотрел на него как на сумасшедшего:

– Это невозможно. Нам придется использовать самые мощные заклинания, бьющие по большой площади. Если кто-то из нас заденет другого, это закончится очень плохо...

– Да, знаю, но все-таки хорошо бы, если бы мы могли... – Гризли запнулся, мотнул головой, понимая, что не может предложить ничего более умного. – Ладно, забудьте, неважно... Удачи вам завтра.

– Тебе тоже, – ответил Рэй.

Сагюнаро рассеянно кивнул, думая о чем-то своем.

В конце коридора ученики разошлись, каждый направился к себе.

В своей комнате Рэй, не зажигая света, плюхнулся на узкую кровать и уставился в окно, за которым раскинулись ветви яблони. Ее белые цветы казались светящимися в густой вечерней темноте. Огоньки свечей мерцали где-то вдали, сливаясь в робкие дорожки света.

Мимо стекла проносились толстые жуки и белые ночные бабочки. Одна села на переплет рамы, подрагивая мягкими крылышками. Рэй нахмурился, пытаясь прогнать ее усилием воли, но его магия не действовала на живых существ. Хотя говорили, будто раньше заклинатели могли повелевать животными – птицами, рыбами, насекомыми... но это было очень давно.

Рэй закрыл глаза, пытаясь представить, что его ждет завтра. «У тебя мощный магический потенциал, – часто говорил учитель, – но ты слишком лениво его используешь. Надеюсь, что рано или поздно я найду то, что сможет подстегнуть тебя».

«И, похоже, нашел», – невесело улыбнулся молодой заклинатель.

Праздник духов – особый день. Все знали, что на землю время от времени приходят и скитаются по ней самые разные сущности – добрые, злые, веселые, капризные, мудрые, робкие, жестокие. Среди них есть крошечные, не больше муравья, и огромные – подобно горам. Одни любят помогать людям, другие ненавидят их, третьи не замечают. Они могут жить где угодно – в воде, огне, под землей, в горах, в лесу, в человеческих домах, а некоторые даже вселяются в человека. И работа заклинателя заключается в том, чтобы привлечь дружественных духов и прогнать враждебных.

Но раз в год, весной, все эти существа сходят с ума, не желают подчиняться никаким правилам, творят все, что захотят, и не щадят никого из оказавшихся у них на пути. Поэтому люди сидят по домам, жгут свечи и ожидают, когда духи уgomонятся.

На миг Рэю стало жутко от того, что предстоит сделать завтра, но он приказал себе прекратить паниковать и стал вспоминать все заклинания, которые могли бы помочь ему добраться до храма живым.

Из сада доносилось тихое журчание воды, радостное кваканье лягушек и необычно громкое пение сверчков. Животные тоже чувствовали приближение особого дня, но в отличие от людей радовались ему. Может быть, чувствовали некое родство с потусторонними сущностями или верили, что те являются их надежными защитниками...

В небольшом селении, недалеко от Варры, где родился Рэй, было принято открывать двери хлева и курятников, чтобы во время праздника духи-хранители могли свободно входить к домашнему скоту, приносить ему здоровье, силу и выносливость...

Сверчки смолкли, затем запели еще громче, и к их хору присоединилась ночная птичка руи. Потом еще одна и еще. Прислушиваясь к щебету сумеречных мухоловок, Рэй сам не заметил, как задремал, а потом вдруг ощутил мягкий, приглушенный удар. Словно откуда-то сверху на землю упало большое спелое яблоко.

«Это грай», – подумал сквозь сон заклинатель. На миг ему показалось, будто темное, рогатое существо заглядывает в окно, шумно втягивая воздух одной-единственной ноздрей. Но когда Рэй приоткрыл глаза, то увидел только грозди белых цветов, чуть серебрищихся в свете луны. Тогда он повернулся на бок и уснул, больше не чувствуя и не слыша ничего...

Проснулся заклинатель от какого-то внутреннего рывка, словно кто-то невидимый подошел и с силой тряхнул его кровать. В окно лился теплый утренний свет. Солнце встало совсем недавно. Из сада доносились радостные птичьи трели и слышался звонкий женский смех, сменившийся вдруг негромким пением без слов, удивительно красивым и манящим.

Никто из людей не мог обладать подобным голосом. Только сайны, или, как их еще называли, земные сирены, умели издавать подобные волшебные звуки. В отличие от своих морских сестер они не убивали смертных, довольствуясь лишь тем, что заманивали людей в лесную глушь и бросали там в одиночестве. Но сегодня эти прекрасные создания становились опасными, так же как и дикие, голодные морны.

Рэй стремительно поднялся, чувствуя, как заколотилось сердце, торопливо плеснул в лицо водой из кувшина и подошел к двери. Она распахнулась от легкого толчка, запирающее заклинание было снято.

Заклинатель вышел из комнаты и быстро направился в сторону своей кладовой. Коридор, в который не выходила ни одна дверь, был похож на длинный, узкий тоннель. На полу лежали неровные прямоугольники света, падающего из окошек, прорезанных в потолке.

Рэй отстраненно подумал о том, что сейчас делают его товарищи. Выхал уже кто-то или еще нет? Но проверить это было невозможно, потому что все ученики жили на значительном расстоянии друг от друга, и даже выход из храма у каждого из них был свой. Так же как и помещения для хранения магического инвентаря.

Кладовая Сагюнаро была забита книгами – древними и современными сочинениями, касающимися духов, а также всевозможными романами и сборниками стихов. Изгнанный учителем Рекар держал в своей коллекции оружия. Гризли наташил амулетов и всевозможных предметов, обладающих хоть какими-то магическими свойствами. Казуми использовал тайник для хранения особо ценных облачений и редких ароматических масел. Канринин держал в секрете содержимое кладовки, но не исключено, что там жил какой-нибудь безобидный дух, подготовленный для очередной каверзы.

Рэй открыл дверь в конце коридора, вошел и запечатал за собой замок.

Он оказался в небольшой комнате, где не было ничего, кроме колесницы. Впрочем, назвать эту конструкцию настоящей повозкой было сложно. На первый взгляд магическое средство передвижения больше всего напоминало погнутые и перекрученные спицы огромного зонтика. Они отсвечивали синевой в свете фонаря, вспыхнувшего под потолком.

У каждого из заклинателей была подобная конструкция – некоторые духи умели очень быстро передвигаться, и, чтобы догнать их, приходилось пользоваться подобным магическим устройством. Но Рэй считал, что его колесница – самая надежная и быстрая. Недаром он столько времени проводил, совершенствуя ее.

Молодой маг подошел к повозке, произнес про себя заклинание освобождения, и она тут же начала разворачиваться, издавая слабое потрескивание и шелест. Через несколько минут на полу стояло нечто, напоминающее гигантское соцветие южного дерева рут.

Огромный иссиня-черный шар, сплетенный из шипов и острых стеблей. Ажурный и смертоносный. В его глубине поблескивало радужное мерцание. Настоящий рутовый цветок выглядел так угрожающе, чтобы защитить мягкую сердцевину от обезьян, которые всегда были не прочь полакомиться ею. Шипы и скрученные железные побеги колесницы, созданной с помощью магии, оберегали Рэя от нападения особо агрессивных духов.

Заклинатель коснулся открытой ладонью переплетения стеблей, и они тут же зашелетели, расступаясь. Он шагнул внутрь, и колючий шар снова стал целым. Находиться внутри этой угрожающей конструкции всегда было удивительно удобно. Побеги выгибались, создавая что-то вроде кресла. Однажды Рэй провел в своей колеснице целую ночь, выслеживая по заданию учителя голодного кури, и не только не устал, но даже вздремнул немного. Хотя Канринин ожидал увидеть товарища, истыканного колючками из собственного средства передвижения.

Рэй удобнее устроился в подвесном сиденье, заклинанием следка раздвинул побеги перед лицом, чтобы не заслоняли обзор, и мысленно произнес приказ двигаться. Кусок стены тут же ушел в сторону, открывая выход в цветущий сад, и колесница, покачнувшись, мягко устремилась вперед. Она не катилась, а как будто плыла, подгоняемая невидимым ветром, издавая мягкий шелест.

Широкая, аккуратно подметенная дорожка вела к дальним воротам. Вокруг цветущих вишен с гудением вились пчелы. На небе, синеем сквозь пышные кроны деревьев, не было видно ни облачка. Пахло ночной прохладой, еще не успевшей раствориться под лучами утрен-

него солнца, весенней зелены и мятой. Очень сильный мятный запах преследовал Рэя уже несколько секунд.

Он внимательно поглядывал по сторонам, но пока не замечал ничего угрожающего. Оглянулся на храм, но увидел лишь монолитную каменную стену, полускрытую тяжелыми ветвями с серебристо-зелеными листьями. Высоченные алатаны, растущие вокруг дома заклинателей, надежно скрывали его от взглядов любопытных.

Из травы выскочила мышь и перебежала дорогу прямо перед колесницей Рэя, а в следующее мгновение на шипы прыгнуло небольшое существо размером с горностая. Ученик магистра успел разглядеть зубастую мордочку, огромные желтые глаза и лапку с цепкими коготками, уцепившуюся за изогнутый стебель, ударил слабым заклинанием, и существо с писком скатилось на землю. Грозно зашипело, подпрыгнуло на всех четырех лапах и умчалось в траву следом за мышью.

Это был всего лишь биб – дух-хранитель всяких мелких зверушек вроде полевок и лягушек. Но совсем рядом, за деревьями, уже сопел и хрустел ветками кто-то большой, неповоротливый, громко топающий.

Рэй приказал колеснице двигаться быстрее, не желая встречи с этим существом. «Глупо нарываться на драку, если можно ее избежать и не тратить пока силы», – подумал заклинатель, чуть приподнимаясь в седле, чтобы видеть, далеко ли осталось до ворот.

Наверное, наставник не одобрил бы подобной осторожности. «Но не ему же придется тащиться через половину города, населенного свихнувшимися духами», – сказал сам себе Рэй и велел колеснице быстрее пересечь широкую поляну, над которой кружил подозрительный рой бабочек.

Створки ворот были предупредительно распахнуты, и за ними виднелся кусок пустой улицы. Оказавшись за пределами сада, Рэй понял, что перестал волноваться. Ощущая в себе лишь деловую сосредоточенность, он быстро огляделся.

Небольшие одноэтажные домики с крохотными садиками казались пустыми. Почти все окна плотно закрыты ставнями. На крылечках и террасах качались в плоских робкие язычки огня. Калитки оплетали яркие гирлянды цветов.

В воздухе висела та особая напряженная атмосфера, по которой заклинатель всегда определяет присутствие потусторонних существ, только гораздо более густая, чем обычно. Не было слышно человеческих голосов, детского смеха, скрипа повозок, шагов, лишь весело пели птицы.

Колесница Рэя катила по улице, поднимая легкие облачка пыли, а сам он продолжал напряженно смотреть по сторонам. Заметил в одном из окон детскую мордочку с круглыми от ужаса и любопытства глазами, выглядывающую в щель между занавесками. Но тут же рядом с ребенком оказалась мать, схватила его в охапку и задернула плотную ткань.

Улыбнувшемуся Рэю послышались отголоски нагоняя, устроенного малолетнему наблюдателю, и его обиженный рев. Впрочем, желание веселиться тут же пропало. У соседнего дома заклинатель увидел первую серьезную опасность.

Возле калитки сидел огромный аруксин – существо, похожее на лохматую жабу с длинным хвостом. Тварь развалилась в пыли и задумчиво жевала цветочную гирлянду, свисающую с низкого заборчика. Вся ее морда была обсыпана желтыми лепестками, с ушей свисали маргаритки, и со стороны это выглядело даже забавно, если не знать повадки этого духа.

Рэй начал скороговоркой произносить формулу изгнания еще до того, как дух заметил его. Но не успел. Аруксин почувствовал приближение человека, подпрыгнул, выплюнул конец гирлянды и скакнул ближе.

Тварь надулась, разинула рот пошире, из ее пасти хлынул поток обжигающего воздуха и цветочных лепестков. Одной рукой Рэй изо всех сил вцепился в прутья колесницы, другой закрылся от секущего ветра, одновременно бормоча заклинание и стараясь не сбиться.

Существо ринулось вперед, взмахнуло острым хвостом, собираясь выбить дух из назойливого человека, пока тот задыхается от ветра. Но заклинатель метнул в него коварную формулу, которая вонзилась в пасть твари и захлопнула ее наподобие мышеловки. Аруксин замотал головой, пытаясь освободиться, поднялся на задние лапы... однако в этот момент его накрыло невидимой сетью и вышвырнуло обратно в потусторонний мир.

Рэй смахнул пот со лба, стряхнул с одежды лепестки, думая о том, что в этот раз дух наелся безобидных цветов, а бывали случаи, когда его воздушный мешок наполняло менее приятное содержимое.

Заклинатель велел колеснице двигаться дальше.

Маленькие домики закончились, улица расширилась, по обеим ее сторонам появились здания повыше – в два, а то и три этажа. Наверху жили владельцы этих заведений и мелкие служащие, внизу располагались лавки и небольшие закусочные, конечно сегодня закрытые – на каждой двери, выкрашенной зеленой краской, висел внушительный замок, и дужки их тоже были обмотаны цветами.

Здесь не было садов, но возле каждого строения росли высокие алатаны. Безусловно, не такие древние, как у храма, но довольно внушительные. Без этих деревьев было невозможно пережить летнюю жару. Они не только давали тень, но и отпугивали мелких духов и мошку, которая не переносила запаха их длинных серебристо-зеленых листьев.

Вот и сейчас, проезжая по пустой улице, Рэй чувствовал их свежий и одновременно пряный аромат. Он окинул взглядом дома, пока не замечая ничего подозрительного, но тут же его внимание привлекло поблескивание впереди.

Прямо посреди дороги растекалась лужа, которой здесь никак быть не могло. Заклинатель заставил колесницу замедлить ход, всматриваясь в странное препятствие и пытаясь вспомнить, слышал ли он когда-нибудь о чем-то подобном. Не вспомнил, хотел объехать подозрительную преграду, но в тот же миг из-за соседнего дома на него рухнуло плотное, разноцветное, шипящее, визжащее и подвывающее облако.

Несколько десятков крошечных существ, вооруженных острыми зубами и когтями, набросились на колесницу, кусая толстые стебли и пытаясь добраться до ее хозяина. Пивы – духи-хранители насекомых – часто собирались в стаи, но еще никогда заклинатель не видел их такими разозленными.

Рэй заставил колесницу резко крутануться на месте, стараясь сбросить маленьких злодеев. Те не ожидали такого маневра, и большинство из них не удержалось на повозке, но парочка особо въедливых все же протиснулась внутрь. Одного заклинатель развеял сразу, другой последовал за ним через несколько секунд, но успел цапнуть Рэя острыми зубами за руку.

Это было плохо – запах крови привлекал духов. Однако перевязывать рану было некогда, пивы, злобно вереща, снова сбились в стаю, планируя напасть во второй раз.

– Вперед! – крикнул седок, колесница рванула вверх по улице, с размаху ухнула в воду, подняв тучу брызг, и понеслась.

Рэй, оглянувшись, увидел, как маленькие существа с писком разлетаются в разные стороны, спасаясь от твари, прятаясь в луже. Ученик господина Хейона успел разглядеть лишь острую голову, на миг появившуюся на поверхности. Мелькнул длинный язык, который схватил одного из пивов.

Заклинатель наскоро перетянул рану платком, не переставая смотреть по сторонам. Вокруг здания библиотеки, в конце улицы, кружили какие-то серые тени, а из открытого окна вылетали разодранные листы бумаги. Видимо, служитель не закрыл его достаточно плотно, и кто-то из потусторонних существ пробрался внутрь.

На шип колесницы зацепился один из обрывков, и Рэй успел разглядеть на дрожащем клочке рисовой бумаги несколько слов «...всесущее наполнено жизнью...». Похоже, какая-то древняя рукопись. Будет завтра служителю нагонять от старшего хранителя свитков.

Повозка вылетела на площадь, и тут же на нее с трех сторон налетели серые обакими. Здоровенные шестипалые звери обрушились на ажурный шар, свирепо рыча, повисли на колючих стенах, замедлили его ход. Рэя швырнуло на спину, он услышал угрожающий треск стеблей и поспешил произнести заклинание. Если честно, он собирался приберечь его на самый крайний случай, но медлить было нельзя. Острые шипы засветились лиловым огнем и ударили в злобных духов тонкими молниями. Тварей отбросило в стороны, освобожденная повозка снова рванулась вперед, а Рэй швырнул себе за спину еще парочку заклятий, крепко связавших духов.

В кронах деревьев, растущих вокруг мелкого прудика в центре площади, щебетали птицы, а вместе с ними по веткам скакали яркие существа, похожие на радужных дроздов. В воде тоже кто-то плескался и громко фыркал. Надежные на первый взгляд камни, которыми была вымощена дорога, вдруг шарахнулись во все стороны от колесницы и с писком перекатились на другое место.

Еще одна улица, переплетение переулков. Заклинатель почувствовал, что пространство вокруг начинает вибрировать – существ становилось все больше. Над ним пронеслась черная тень, и Рэй едва успел отбросить ее в сторону. Голова начинала побаливать, но пока на эту боль можно было не обращать внимания.

Одну из дорог, ведущих к дворцу, наполняло дрожащее жаркое марево. За ним виднелись размытые белые шпили летней резиденции императрицы. Казалось, что легкое прекрасное здание тонет в раскаленном воздухе.

Рэй представил, каково сейчас жителям домов, рядом с которыми расположился юмэй. Целый день задыхаться от жары и молиться, чтобы поскорее наступила ночь.

– Отлично, – пробормотал молодой маг. Он и не рассчитывал на подобную удачу. Конечно, его радость вызвали не мучения горожан – при виде плавающей в душной топке улицы у него возник отличный план.

Ученик господина Хейона остановился на мгновение, произнес про себя короткую формулу и тут же увидел, как из узкой улочки выпорхнула маленькая птичка, не больше мухоловки, но сверкающая, словно драгоценный камешек.

Рэй приказал колеснице ехать как можно быстрее и понесся вперед так, что ветер засвистел в ушах. Юмэй весело летел следом. Сложность обращения с этим духом состояла в том, что его нельзя было изгнать. То есть теоретически можно, и маги древности как будто бы даже справлялись с подобной задачей, но не исключено, что рассказы об этом были всего лишь легендами.

Так что теперь заклинатель гнал вперед колесницу, выбирая самые широкие улицы, а за ним легко порхал огненный дух. Хорошего в этом было только то, что остальные существа поспешно удирали, освобождая дорогу беспечному юмэю, не желая быть опаленными его дыханием. Но теперь страдать от жары пришлось самому Рэю. Пот заливал глаза, кожу щипало от прикосновений раскаленного воздуха, прутья колесницы начали угрожающе потрескивать, однако впереди уже виднелась широкая аллея, ведущая к центральному храму.

Перед ним была огромная круглая площадь, окруженная святилищами, посвященными добрым духам-покровителям. Как только юмэй оказался в самом ее центре, Рэй произнес еще одно заклинание, и птичка на миг потеряла из виду свою жертву. Она зависла в воздухе, затем недолго пометалась по сторонам, но, так и не обнаружив иссиня-черный шар с человеком внутри, присела на вершину одного из каменных столбов.

А колесница уже катила по аллее, приближаясь к храму. Рэй чувствовал, как его голова раскалывается от боли. Перед глазами периодически начинало колыхаться красноватое облако. Управление пустынным духом вытянуло из него много сил, но до конца пути оставалось совсем немного. «Почти справился», – подумал заклинатель, когда вдали замаячили широко распах-

нутые ворота заветного храма, но даже не успел обрадоваться. Перед повозкой неизвестно откуда вдруг возникла неровная каменная глыба размером с небольшой дом.

– Стой! – крикнул Рэй. Верная колесница успела остановиться, но ее занесло в сторону, и она задела боком неожиданное препятствие. Послышался громкий хруст, кусок повозки снесло начисто, и на землю посыпались обломки стеблей и шипов. Заклинателя едва не выбросило на дорогу.

Каменная глыба неторопливо пошевелилась, повернулась к человеку плоской невыразительной мордой с черными ямками вместо глаз, потом вдруг встопорщилась, словно спелая шишка, встряхнулась, и в Рэя полетели «чешуйки» – острые, зазубренные камни. Часть их отскочила от оставшейся целой решетки, но некоторые попали прямо в дыру, ранив и царапая мага.

Ученик магистра ответил не менее болезненным заклинанием, целясь в глаза твари, но та ловко увернулась. Ударил еще раз, вложив в магическую формулу всю доступную силу.

Мармух заскрипел, покачнулся и рассыпался грудой черных камней, в которых блеснуло несколько сапфиров, но вылезать из повозки и подбирать их не было времени.

Колесница поехала дальше, пропетляла несколько минут по дорожке, ведущей к храму. Вспугнула еще нескольких бибов, играющих с мышами, перекатилась через ручей, едва разминувшись с одним из граев, потом стукнулась о край террасы и замерла.

Еще не веря в то, что он добрался, Рэй вылез из колючего шара и, спотыкаясь, поднялся по трем ступенькам. На широком деревянном настиле под легкой крышей из бамбука лежали золотистые циновки с разноцветным узором по краю. Где-то мелодично позванивали колокольчики. Ветерок колыхал широкие малиновые ленты, свисающие со столбов, поддерживающих кровлю.

Заклинатель оглянулся на сад, ярко освещенный солнцем, и вошел в храм. Внутреннее помещение оказалось таким же уютным, как и терраса. Совсем небольшой, светлый зал... и совершенно пустой.

«Неужели я первый? – с легким недоумением подумал Рэй, опускаясь на циновку. Он вспомнил, что не видел ни одной колесницы перед входом. – Неужели действительно никто еще не достиг храма?.. Может, подъехали с другой стороны?»

Все его раны и ссадины неожиданно заболели, но он приказал себе не расслабляться и принялся напряженно прислушиваться. «В конце концов, учитель говорил, что будет ждать до вечера... еще есть время», – убеждал он себя.

Из сада доносился умиротворяющий звон колокольчиков, шелест ветра, попискивание мышей. В двух широких чашах, наполненных водой и стоящих у стены, плавали цветы и солнечные блики. Золотые зайчики скакали по стенам...

«Уж Сагюнаро-то доберется, – продолжал размышлять Рэй, чтобы заглушить непонятную тревогу, – он гораздо талантливее меня. А Канринину всегда везло... Казуми хитрый и ловкий. Да и Гризли, хоть и увалень, если рассердится, может справиться с любым духом».

Он сам не заметил, как стал постукивать кулаком себя по колену, беспокоясь все сильнее. Чтобы отвлечься, начал прокручивать в голове весь проделанный путь. Искать ошибки и промахи. Если бы он был проворнее, то не позволил бы пиву укунить себя. Слишком долго возился с обаяками. Можно было и не тратить на них весь магический заряд колесницы. И вообще, стоило признаться, что существ, которых он встретил, было не так уж и много. А если бы по дороге не встретился огненный юмэй...

Рэй резко повернулся, услышав неровные шаги.

Противоположная от входа стена мягко ушла в сторону, и в зал ввалилась растрепанная, окровавленная девушка. Ее белое одеяние было заляпано бурыми и зелеными пятнами, колени ободраны. В руке незнакомка сжимала что-то вроде короткого копья с длинным наконечником. На симпатичном, хоть и бледном лице ясно читалось облегчение, которое тут

же сменилось тревогой. Взгляд темно-фиолетовых глаз с беспокойством обежал зал, натолкнулся на Рэя. Девушка нахмурилась, закусилла нижнюю губу и устало опустилась на циновку в нескольких шагах от него. Судорожно вздохнула, отбросив за спину густые темно-русые волосы, и замерла, глядя прямо перед собой.

Так они сидели несколько минут молча, напряженно вслушиваясь в тишину за стенами храма. Но ничего не происходило.

– Гаюр? – машинально спросил заклинатель, глядя на зеленые пятна, покрывающие одежду девушки.

– Что?

Она также, видимо, думала о своем, потом поняла, о чем речь, и кивнула:

– Да. Гаюр. Маленький. – А потом вдруг посмотрела на Рэя с затаенным отчаянием: – Послушай, ты не видел никого из... здесь больше никого не было, кроме тебя?

– Нет. А ты по дороге никого не встречала?

Девушка отрицательно покачала головой, и ее рука крепко сжала оружие, лежащее рядом.

– Я не понимаю, почему еще никто не приехал, – прошептала она, – Сорано такая сильная, у нее всегда все получалось. Има первая проходила любое испытание. У Юри талант...

Она запнулась, а заклинатель невесело улыбнулся – мысли девушки были отражением его собственных.

– Нам просто повезло.

Конечно, это было слабым утешением, но Рэй чувствовал, что должен сказать хоть что-то.

– Нам не повезло, – ответила она голосом, лишенным выражения. – Я читала, что заклинатель... настоящий заклинатель всегда неосознанно выбирает самое лучшее время для того, чтобы пройти назначенный путь. Наверное, ты проснулся раньше всех или выбирал самый удачный путь, или что-то тебе подсказывало, что нужно задержаться в каком-то месте или, наоборот, проскочить его быстрее... Так же, как и я.

Девушка отвернулась, и теперь Рэй видел только гриву ее растрепанных волос. Он подумал, что еще сказать заклинательнице, а потом вдруг заметил дыру на боку ее платья и кровь, пропитавшую ткань.

– Ты ранена.

– Уже затягивается, – отозвалась она, не шевелясь, – ты же знаешь, на таких, как мы с тобой, все заживает очень быстро. Юри говорила... – Собеседница запнулась и замолчала.

А Рэй решил повторить то, чем пытался утешить себя сам:

– До вечера еще есть время.

Она отрицательно помотала головой, хотела что-то возразить, но с той стороны, откуда пришла девушка, послышались неторопливые шаги. Заклинатели замерли, с надеждой вглядываясь в светлую стену, но, когда та отодвинулась в сторону и они разглядели входящего, уныло переглянулись.

Впервые при виде магистра Рэй испытал разочарование и, пожалуй, даже легкое раздражение – как тот мог быть таким довольным, когда большая часть его учеников застряла неизвестно где, в городе, наполненном враждебными духами.

– Рэй и Нара, – произнес господин Хейон, с видимым удовольствием рассматривая воспитанников, и одобрительно покачал головой. – Вы не разочаровали меня. И я рад сообщить вам, что первая ступень вашего обучения закончена, и теперь, когда вы так успешно прошли это испытание, пришло время перейти ко второй.

Рэй ничего не знал о второй ступени, но сейчас его отчего-то не интересовал собственный успех, видимо, так же как и Нара.

– Учитель, – тихо, но настойчиво произнесла девушка, – скажите, вы знаете, что с остальными?

– Они не справились с заданием, – мягко, но без сожаления ответил магистр.

– Но вы же говорили, у нас есть время до вечера, – возразил Рэй, быть может, излишне резко. – И вы будете ждать.

Господин Хейон печально улыбнулся, глядя на ученика пронизывающим взглядом.

– Да, я подожду. Но не думаю, что сюда придет кто-то еще. Ты же сам понимаешь: чем больше задерживается заклинатель при выполнении изгнания духа, тем меньше его шансы остаться в живых. Казуми был прав. Мне нужны умные, смелые, находчивые и удачливые ученики. Вы именно такие.

Подозрения заклинателя о том, что учитель может слышать сквозь стены, вновь подтвердилось. Да, Казуми говорил именно так, но слова магистра о собственной исключительности не вдохновили и не обрадовали Рэя.

– И я рад, – продолжил господин Хейон, – что со мной останетесь именно вы. С этого дня вы перестаете быть учениками и становитесь моими помощниками. Вам отведена особая роль в этом мире...

Нара вздохнула, но молодой заклинатель не услышал в этом вздохе облегчения и восхищения.

– Вы думаете, что все остальные мертвы? – спросил он, сжимая кулаки.

– Скорее всего, – спокойно ответил учитель, внимательно приглядываясь к ученику.

– Но вы не уверены в этом. – Заклинатель не менее пристально уставился на магистра. – А если кто-то из них жив? Неужели мы не попытаемся помочь им? Даже не узнаем, что случилось?

– Ты знаешь наши законы. Каждый несет ответственность за себя сам.

– Это несправедливо! – Рэй вскочил, чувствуя на себе тревожный взгляд Нары. – Вы учили нас тому, что все заклинатели одиночки и каждый из нас должен надеяться только на себя. Но я помню о том, что вы говорили еще. Мы должны защищать людей от потусторонних сущностей. А те, с кем я учился, не только маги, но еще и люди.

– Рэй, – тихо и угрожающе произнес учитель, – не нужно искажать мои слова.

Но заклинатель уже повернулся к Наре:

– У тебя есть колесница?

– Что? – Она захлопала длинными ресницами, глядя на него почти с ужасом.

– На чем ты приехала сюда?

– Стоит во дворе, но...

– Можешь одолжить? Моя сломана.

– Рэй, – произнес магистр громче, – я запрещаю тебе покидать храм.

– Учитель, я... – На мгновение заклинатель почувствовал ту же неуверенность, что и Рекар, отказывающийся проходить последнее испытание. – Я вернусь, обещаю. Просто я знаю, что должен помочь хоть кому-то из них. Иначе...

Он не сумел объяснить, что именно будет чувствовать всю жизнь, если останется сидеть в безопасном храме, зная о том, как его товарищи погибают. Рэй махнул рукой и сделал то, чего раньше даже не мог представить – впервые послушался наставника. Он повернулся и, не глядя на учителя, вышел из зала.

Посреди террасы, раскрашенной солнечными бликами, заклинатель остановился, вновь прислушался к себе и понял – он все делает правильно, хотя это и похоже на сумасшествие.

Дверь в храм с шелестом отодвинулась, и он услышал взволнованный голос девушки:

– Рэй, подожди! – Хромая и зажимая ладонью бок, она подошла и сунула ему в руку свое копье. – Возьми это.

– Я никогда не управлял яри,⁷ – он глянул на острие оружия.

⁷ Яри – «копье» (яп.). Созданное с помощью магии оружие.

– Это очень просто, – торопливо заговорила Нара. – Надо всего лишь направлять через него свою магию. И он сможет поразить духа даже на расстоянии.

– Ладно. Спасибо тебе...

– А взамен я хотела бы попросить, – сказала она, не слушая слов благодарности, – если вдруг ты увидишь кого-нибудь из моих подруг... поможешь?

Рэй кивнул, не глядя ей в глаза. Он знал, что поедет другой дорогой и вряд ли сможет встретить девушек, но не стал напоминать об этом юной заклинательнице. Повернулся к ней спиной и спустился в сад. А когда поднял голову, Нары на террасе уже не было.

Он машинально провел ладонью по боку своей колесницы, нагретому солнцем. Она чуть кольнула острыми шипами кожу в ответ, словно поздоровалась. А Рэй крепче сжал яри и пошел по узкой дорожке к другому входу в храм, где должна была стоять повозка девушки.

Но не успел отойти далеко. Из сада послышался громкий вопль боли, следом еще один и еще.

Заклинатель устремился в ту сторону. Пробежал по дороге несколько шагов, свернул в кусты, спугнув двух бибов, и, когда они хотели броситься на него, метнул в них магическую формулу, заметив мельком, как она быстро сорвалась с острия оружия. Он сам не понял, как это получилось, но сейчас было не время раздумывать над этим.

Рэй продрался сквозь кусты и замер, увидев человека, шатающейся походкой бредущего сам не зная куда. Заклинатель невольно содрогнулся от отвращения, увидев, что тот весь с ног до головы покрыт серыми, извивающимися тварями. Они царапали и кусали несчастного, а он с криком пытался отодрать от себя ядовитых жуков, но они вновь цеплялись за него, громко шипя.

Рэй размахнулся и швырнул заклинание. Наверное, чересчур мощное, потому что существа разлетелись во все стороны, а некоторые испарились, оставив после себя только облачка пара. Спасенный рухнул на колени, упираясь руками в землю, и, тяжело дыша, склонил голову.

Заклинатель подбежал к нему, рывком поставил на ноги и только сейчас узнал в оборванном, измученном и окровавленном человеке высокомерного щеголя Казуми. Тот вцепился в спасителя, дрожа и бормоча невнятно:

– Это ты... ты добрался... я бы тоже сумел, если бы не эти... твари.

– Ты и добрался. – Не обращая внимания на его лепет, Рэй потащил товарища к храму.

– Ты не должен... был помогать. – Казуми попытался привалиться к камню, мимо которого они проходили, но заклинатель не дал ему остановиться.

Дотащил до террасы, втолкнул на ступени и только тогда позволил рухнуть на циновки.

– Не думал... что ты справишься, – прошептал тот, потянулся к чаше с цветами и окунул в нее голову.

Не дожидаясь, когда он вынырнет, Рэй схватил товарища за плечо и вытащил из воды.

– Ты знаешь, где остальные?

– Канрина не видел, – ответил Казуми уже более внятно, вытирая рукавом мокрое лицо. – Но он говорил, что у него какой-то хитрый план. Так что, думаю, этот везунчик не пропадет. Гризли бодро удирал от стаи гаюров. А у Сагюнаро сломалась колесница. – Казуми злобно оскалился и произнес с наслаждением: – Похоже, наш умник получит хорошую трепку от шиисанов.

– Шиисаны?! – вскрикнул Рэй, полагая, что ослышался. – Ты их видел? Но они же выбирают только ночью! Они напали на него?

– Собирались, – равнодушно пожал плечами третий ученик господина Хейона, поливая водой из вазы на искусанные ноги. – Когда я проезжал мимо, они как раз пытались его прикончить. Хотя держался он хорошо, – с неожиданным великодушием признался Казуми.

– И ты ему не помог?! – с яростью, удивившей его самого, воскликнул Рэй.

– Связываться с неизгоняемыми? – искренне удивился тот. – Я что, похож на психа?

– Нет, – честно ответил собеседник. – Ты похож на трусливый корм журавей. Жаль, что я не дал им сожрать тебя.

Не чувствуя ничего, кроме омерзения, Рэй отвернулся от спасенного Казуми и пошел прочь.

– Эй! – заорал тот, не сразу придя в себя от оскорбления. – Ты что?! Совсем спятил?! Думаешь, ты подходишь на роль спасителя?! Идиот! Давай, вали, спасай своих тупых дружков! Сам сдохнешь там!! Позер!

Заклинатель не ответил. Ему было все равно, что кричат вслед.

Колесница Нары нашлась очень быстро. Она лежала возле кустов, буйно разросшихся у восточной стены храма. Едва увидев повозку, Рэй с досадой подумал, что все его самые худшие предположения сбываются. Издали она напоминала стрекозу бирюзового цвета с длинными прозрачными крылышками и чем-то вроде ажурной беседки на спине. Вся эта конструкция казалась очень хрупкой и ненадежной.

«Далеко я на этом не уеду», – с раздражением подумал Рэй, понимая, впрочем, что не прав. Его абсолютно не касалось, как выглядела повозка Нары, к тому же девушка добралась на ней до храма. И ее колесница не была сломана.

Прикидывая, какую часть из этой конструкции можно выломать, чтобы починить свою собственную повозку, и размышляя над тем, можно ли ее вообще починить, заклинатель подошел ближе. И только тут с облегчением увидел, что все это устройство гораздо менее легкомысленное, чем показалось ему на первый взгляд.

Хвост «стрекозы» состоял из острых трехгранных пластин. «Крылья» – тонкие лезвия. А беседка – защита для седока, не уступающая по прочности собственному изобретению Рэя. Он уважительно покачал головой, прикоснулся острием копья к беседке, и та, помедлив секунду, распахнулась, открывая удобное сиденье.

Залезая внутрь, заклинатель дотронулся до спины стрекозы и заметил, что его пальцы испачкались в чем-то липком и красном. «Кровь», – подумал он отстраненно, вытер руку о рубашку и сел в кресло. Оно оказалась тесноватым, но с этим неудобством можно было смириться. Гораздо больше Рэя беспокоило то, что повозка неохотно оторвалась от земли и поплыла вдоль стены храма с заметным усилием.

Как и все остальные колесницы, эта была рассчитана лишь на своего хозяина.

– Ладно, – пробормотал Рэй, пытаясь удобнее устроиться в кресле, – все равно быстрее, чем пешком.

Стрекоза лениво двинулась к воротам.

Рэй положил копье Нары поперек колен и напряженно смотрел по сторонам. Тревога за друзей сменилась все возрастающим ощущением опасности. Инстинкт заклинателя и здравый смысл требовали от ученика магистра приобрести более надежную защиту, прежде чем соваться в город.

Рэй замер, напряженно прислушиваясь. Не обращая внимания на усиливающуюся жару, птицы щебетали все громче. Из дальнего конца сада слышалось радостное тьяканье собаки. Над цветущими деревьями с довольным гулом вились пчелы. Поскрипывал ставень, мелодично позванивали ветряные колокольчики... Едва слышно журчала вода.

– То, что нужно, – сказал себе заклинатель и велел колеснице свернуть с тропинки.

Проскользнув сквозь цветущие кусты дрока, стрекоза оказалась на краю небольшой полянки, посреди которой стояло несколько серых камней. Из верхнего вытекал крохотный ручеек и струился в гранитную чашу маленького пруда, густо заросшего серебристой осокой. А возле камней в воздухе задумчиво парил маленький дух. Длинное, струящееся, зеленоватое одеяние колыhalось вокруг его тела и само казалось продолжением ручья. Существо можно было бы назвать даже милым, если бы не багровые круги вокруг темных глаз и глубокие

складки у бесплотных губ. Один из безликих. Опасный, когда голодный, и еще более опасный – сытый.

Все эти странные сущности, не отвечающие ни за что в этом мире и не покровительствующие никому из живых, обожали воду. Это была одна из их непонятных прихотей.

И в отличие от многих других духов с ними иногда удавалось договориться.

Рэй выбрался из колесницы и медленно приблизился к духу, крепко сжимая копье.

– Я ищу своих друзей, – произнес он негромко.

Безликий поднял голову и с легким удивлением посмотрел на человека так, словно только сейчас заметил его и еще не знал, как поступить с ним.

– Помоги мне найти их, – быстро сказал Рэй, прежде чем существо успело принять какое-нибудь решение.

Удивление на лице духа сменилось жадным интересом, темные глаза сверкнули.

«Чем заплатишь?» – прочел заклинатель в его голодном взгляде.

– Силой всех, кого я убью сегодня.

Тот улыбнулся довольно, кивнул, затем приподнял руку, окутанную струящимся рукавом, указал на повозку и вопросительно посмотрел на заклинателя.

– Да, – сказал тот, одновременно снимая защитное заклинание с колесницы. – Но помни, я слежу за тобой.

Безликий снова ухмыльнулся и двинулся вперед, на лету превращаясь в тонкую струйку дыма, которая легко втекла в повозку. Стрекоза ожила на миг. Она хищно стегнула хвостом, крылья-лезвия рассекли воздух с угрожающим шелестом, а бирюзовый цвет повозки окрасился багровым.

Рэю уже доводилось вселять духов в различные артефакты, но еще никогда он не работал с безликими, хотя учитель рассказывал, что они необычайно искусны и сильны. Теперь заклинатель убедился в этом сам.

Едва он занял свое место, как колесница устремилась вперед с удивительным проворством, молниеносно исполняя приказы. И тревога заклинателя, вызванная тем, что он потерял слишком много времени, немного улеглась.

Хотя теперь у него появились другие причины для беспокойства.

За оградой по-прежнему лежали камни, оставшиеся от мармуха. Вокруг них ползало несколько журав. Они возмущенно зашипели, увидев колесницу, вылетевшую из ворот, и шмыгнули в разные стороны.

Тенистая аллея выглядела пустой и мирной, но Рэй, чувствуя опасность, велел колеснице ехать медленнее. Легкий ветерок гнал перед ней несколько сухих листьев и заставлял их кружиться в беззвучном хороводе.

– Вперед, – приказал заклинатель, повозка чуть ускорила скольжение, и в тот же миг на человека обрушилась волна душистого запаха, а следом за ним на колесницу упала темная тень.

Стрекоза дрогнула, останавливаясь. Заклинателя отбросило на стенку беседки, и он увидел совсем близко, за резной сетью, прекрасное женское лицо с огромными синими глазами и алыми губами. Белые руки страстно сжали прутья. Белая грудь вздымалась от частого дыхания.

Рэй смотрел на нее, понимая, что должен ударить это существо заклинанием посильнее, но не мог даже пошевелиться, словно зачарованный глядя на него.

– Наконец-то, – произнесла незнакомка низким, чарующим голосом, чуть задыхаясь. – Я так долго тебя ждала.

Ладонь с растопыренными пальцами проскользнула сквозь прутья и коснулась заклинателя. Ему показалось, что кожу на груди обожгло сквозь рубашку, и тут же на него накатила волна сладкой слабости.

– Впусти меня, – прошептала сайна, теснее прижимаясь к кружевной клетке, – твоя колесница жжется.

И действительно, Рэй увидел на ее теле красные полосы, оставленные защитной формулой, наложенной на колесницу. Но красавица, не обращая внимания на боль, все так же настойчиво пыталась проникнуть внутрь, ближе к человеку. Ее лицо горело неподдельной страстью, а голос, превратившийся в невнятный шепот, завораживал.

Еще немного – и заклинатель открыл бы клетку, но вдруг увидел длинные когти, появившиеся на тонкой руке, нежно касавшейся его. В тот же миг колесница дернулась, пытаясь стряхнуть с себя духа, а Рэй вздрогнул, приходя в себя. Сайна потеряла равновесие, отвела взгляд от заклинателя, и он, окончательно освободившись от ее власти, ударил существо острым заклинанием прямо в белое, открытое горло.

Женщина вскрикнула пронзительным голосом и растаяла. А ее сила перетекла к безликому, вселенному в колесницу. Рэй почувствовал его удовольствие и злобную радость. Колесница снова дрогнула, как будто потягиваясь, а затем рванулась вперед...

– Давай в объезд, мимо площади, – велел он повозке, и та послушно завернула за угол.

Рэю понадобилось совсем немного времени, чтобы увидеть, что город теперь заполнен новыми жителями, а ему действительно повезло – можно сказать, что в своем путешествии от одного храма до другого он видел лишь безобидных созданий.

На узкой улочке, по обеим сторонам которой росли старые ивы, Рэй заметил маленькую девочку, раскачивающуюся на качелях из ветвей. Едва услышав шелест колесницы, она замерла и медленно повернула голову. Человек с содроганием увидел, что у нее нет лица, а вместо него – бледное размытое пятно, обрамленное золотыми кудряшками.

«Убей ее, – прошепел над ухом Рэя едва слышный голос, и ученик магистра понял, что с ним говорит безликий, поселившийся в колеснице, – убей, пока она не напала первой».

Существо сидело, не двигаясь, и заклинатель чувствовал, что оно пристально наблюдает за ним.

«Ты просил помощи. Я помогаю».

– Она не собирается нападать, – ответил Рэй, глядя на неподвижное создание, мимо которого проплывала колесница.

«Глупец, – со злостью прошипел безликий, – она уже убивает тебя».

И Рэй, глядя в белое пятно несуществующего лица, вдруг почувствовал резкую боль в висках. Он взмахнул копьем Нары, швыряя в существо заклинание. Почувствовал, что попал, но «девочка» даже не пошевелилась, хотя голове стало легче. Вторая формула изгнания сбросила духа с веток, но уничтожила его лишь третья.

«Это корри, – чуть громче пояснил безликий, поглотивший еще одну порцию чужой силы. – Они могут пить чужую жизнь на расстоянии».

– Знаю, – ответил Рэй, рукавом вытирая пот со лба, – но я никогда раньше не видел ни одну из них.

«Теперь направо, – велел дух. – Я чувствую кого-то из смертных».

Заклинатель не успел обрадоваться, как увидел новую опасность. Дальше по улице бродили «добрые старички» – чудовищно толстые, неповоротливые существа, похожие на кое-как перевязанные мешки с жиром. Обычно они слонялись по двое, но теперь к Рэю, угрожая пошвыстывая, двинулось не меньше десятка голодных, злобных тварей.

– Вперед! – приказал заклинатель колеснице, прикидывая, как легче проскочить между ними. Но вдруг заметил в тени между домов обломок темно-фиолетового крыла и еще какие-то обрывки... клочья пестрой ткани.

Он не успел до конца понять, что это такое, но уже отдал повозке приказ напасть. Хищная стрекоза врезалась в самую гущу духов, кромсая их лезвиями и жала хвостом. А сам Рэй поражал тварей своей магией. «Старички» разлетались в дым, который тонкими струйками просачивался в землю, и безликий жадно поглощал их силу.

Уничтожив всех, заклинатель ударом копья заставил колесницу остановиться, открыл защитный купол, вылез и подошел к тому, что осталось от Канринина. Самый удачливый и ловкий из учеников магистра лежал на земле, а возле его вытянутой окровавленной руки валялась искусно сделанная маска – слепок с прекрасного лица, которое могло принадлежать и мужчине, и женщине. Ноги и руки Канринина казались гораздо длиннее, чем у обычного человека, а из спины торчали обломки крыльев.

Рэй несколько мгновений смотрел на товарища и наконец понял, отчего тот выглядит так странно и каким был его хитрый план.

Канринин постарался придать себе облик одного из духов – крылатого, но не умеющего летать иумэ. И если бы Рэй встретил его на улице, никогда не отличил бы от настоящего даже по ощущениям. Невероятная маскировка...

Но в этот раз удачливому заклинателю не повезло. Потусторонние сущности в конце концов распознали обман.

– А ведь он прошел так далеко...

За спиной послышался скрипучий вздох колесницы и тихий, насмешливый голос безликого:

Мы те, кто задувает огонь в ваших очагах,
Мы те, кто скрипит половицами в старых домах,
Мы живем в дуплах мертвых деревьев, пищим мышиными
голосами

И смотрим из провалившихся окон разрушенных храмов.

Мы не позволяем смеяться над собой и видим любую ложь.

Рэй ничего не ответил. Он заметил, что колесница, в которую был вселен дух, напившийся чужой силы, стала выше, крепче и мощнее.

– Нужно ехать, – сказал заклинатель, глядя на мертвое лицо Канринина.

– Все еще надеешься? – усмехнулся безликий.

Надеяться было особо не на что. Но Рэй уже не мог повернуть обратно.

Он снова летел вперед по солнечному городу, наполненному чужими, враждебными головами, человеческим страхом за плотно закрытыми дверями, шелестом ветра и лаем собак. Снова убивал, расчищая путь, слушал короткие реплики безликого, показывающего дорогу.

«Впереди... за деревьями... кто-то живой», – отрывисто произнес дух, и в то же мгновение Рэй услышал крик, полный ярости и боли.

– Гризли! – воскликнул заклинатель и вылетел на перекресток. Колесницу занесло, но она тут же выровнялась, сбила хвостом одну серую лохматую тень, перепрыгнула через вторую.

Рэй убил еще пару косматых существ и увидел наконец товарища.

Гризли отбивался от нескольких гаюров. Вернее, когда-то пытался отбиваться. Твари, похожие на плохо сметанные копны сена на коротких, словно обрубленных ножках, швыряли друг другу толстого, неповоротливого человека, и тот летал по воздуху, как надувной мяч. Его руки оказались приклеенными к телу липкой зеленой массой, поэтому Гризли мог только изрыгать проклятия и тщетно силиться лягнуть кого-нибудь из духов, пролетая над ними.

Обрадованный тем, что видит товарища живым, Рэй едва не рассмеялся. Но шутки гаюров могли закончиться очень быстро, поэтому следовало поторапливаться самому.

Заклинатель пробормотал несколько формул, одновременно чувствуя, как по телу стрекозы пробежала мгновенная дрожь – словно безликого тоже коснулось колючее дыхание человеческой магии. Но в то же мгновение повозка по приказу хозяина ринулась на врагов. Гаюры

заметили нового смертного и бросили надоевшую игрушку. Гризли рухнул на землю. Рэй успел заметить его вытаращенные глаза и изумленно разинутый рот. Но больше отвлекаться было некогда.

Несмотря на свою внешнюю неповоротливость, косматые твари оказались очень ловкими. Заклинатель едва успевал уворачиваться от липких комков зеленой слизи, которой они пытались зашвырять его. Колесница взлетала, припадала к земле, отпрыгивала в сторону, словно живое существо, а Рэй убивал духов. Только сейчас он в полной мере смог оценить подарок Нары. Копье поражало даже самых дальних существ и не давало им подобраться ближе, чтобы прицелиться лучше. Хотя пару раз на стрекозу шлепались зеленые комки клея, и слышалось злобное рычание безликого.

– Осторожно! За тобой! – послышался вопль Гризли.

Рэй круто развернул повозку и сквозь щель в кружевных прутьях с размаху вонзил копье в брюхо подкравшегося почти вплотную гаюра. Дух исчез, и тут же стрекоза разрубила лезвиями крыльев еще одного. Подпрыгнула на месте, заклинитель поспешно огляделся, но перекресток оказался пуст. Только Гризли, пыхтя и отдуваясь, пытался встать на ноги.

Ученик магистра распахнул купол защиты и спрыгнул на землю, заметив мельком, насколько выше и больше стала колесница, словно сила, поглощенная безликим, увеличивала и его вместилище.

– Рэй?! – воскликнул Гризли, увидев товарища и от нового приступа удивления прервав попытки встать. – Ты что здесь делаешь? Чья это колесница? У тебя же вроде была другая? Да ты вообще как сюда попал? Ты что, вернулся?!

Последний вопрос он произнес почти со священным ужасом, при этом еще больше вытаращив глаза.

– Вернулся, – нехотя ответил заклинитель, торопливо подходя к нему. Взял за воротник и с некоторым усилием помог подняться на ноги.

– Ты дошел до храма и повернул назад? – снова уточнил Гризли, как будто опасаясь, что его товарищ не в себе.

– Не шевелись, – велел ему Рэй, срезая острием копья уже успевшую затвердеть слюну гаюров.

– Но нам же велели действовать в одиночку, – продолжал недоумевать толстяк, пытаясь отодрать руку, прилипшую к телу. – Я никак не ожидал, что кто-то появится... Как тебе такое вообще пришло в голову...

– Ты был прав, – сказал Рэй, окинув взглядом улицу, но та пока была пуста. – Нам всем нужно было действовать вместе.

– Но учитель говорил...

– Забудь о том, что говорил учитель, – резко сказал заклинитель, и Гризли поспешно замолчал, услышав в голосе товарища непривычные жесткие интонации. Он наконец смог освободить склеенные руки и облегченно вздохнул:

– Наконец-то. Эти твари подкараулили меня, и если бы не ты... Спасибо, Рэй.

– Не за что, – ответил тот, заметив какое-то смутное движение в конце улицы. – Надо поторапливаться. Твоя колесница уцелела?

– Куда там! – махнул рукой Гризли и вздохнул с сожалением, подходя следом за Реем к повозке. – Развалилась, как только эти твари набросились на меня со всех сторон. Но, я думаю, мы поместимся в твоей.

Рэй еще раз взглянул на стрекозу и с легким неприятным чувством понял, что она увеличилась едва ли не в два раза и стала выглядеть угрожающе.

– Где ты раздобыл такую тварь? – почти с восхищением осведомился Гризли, забираясь наверх и усаживаясь на сиденье.

– Одолжил, – ответил тот нехотя, чувствуя вонь от слюны гаюров, оставшейся на одежде спасенного товарища, и велел повозке двигаться вперед.

– погоди, ты куда? – забеспокоился Гризли, вертя головой по сторонам. – Нам же в другую сторону.

– Сагюнаро тоже нужна помощь, – сухо отозвался заклинатель, давая нескольким обачами, рыщущим в конце улицы, пробежать мимо, не заметив людей. – Казуми сказал, что на него напали шиисаны.

– Шиисаны? – прозвучал вдруг прямо над ухом Рэя голос безликого, ставший гораздо громче и резче, чем прежде. – Ты сказал – шиисаны?

Гризли дернулся так, что заехал соседу локтем в бок, и воскликнул:

– Что это?!

– Ты собираешься сражаться с неизгоняемыми? – продолжил дух, не обращая внимания на второго человека.

– А в чем дело? – грубовато спросил Рэй, продолжая внимательно смотреть по сторонам. – Не все ли тебе равно, чью силу пить. Главное, найди Сагюнаро.

– Твой друг безумен, – сообщила потусторонняя сущность помрачневшему Гризли и замолчала.

– Это безликий, – объяснил Рэй товарищу.

– Я уже понял, – буркнул тот. – И, похоже, он прав. Ты действительно свихнулся. Сколько правил ты еще хочешь нарушить? Связался с запретным духом, вселил его в свою колесницу, собираешься драться с неизгоняемыми... может, в тебя самого кто-то вселился.

– Не хочешь ехать со мной – оставайся. – Рэй ударом копья послал заклинание в смутную серую тень, метнувшуюся к нему из-за угла высокого дома.

– Нет уж, – откликнулся Гризли, изгоняя вторую сущность, выползающую из-под крыльца. – Я с тобой.

– Налево, – велел безликий, и колесница тут же послушно нырнула под низкую арку, за которой начинались кварталы бедноты.

Эта часть города чаще всего подвергалась нападениям агрессивных духов в отличие от чистых, просторных улиц и площадей остального города. Темные, приземистые домишки здесь жались один к другому, слепо глядя на мир крошечными окнами, загороженными чем попало. За низкими, покосившимися заборами робко зеленели маленькие огородики. На веревках, натянутых между потемневшими от времени занозистыми палками, моталось мокрое серое белье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.